

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

*На правах рукописи
УДК 495:809*

КИМ ВАДИМ РОМАНОВИЧ

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОРЕЙСКОЙ
ПОЭЗИИ КОНЦА XX НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Специальность: 5А 120102
Лингвистика (корейский язык)

ДИССЕРТАЦИЯ

написана для получения академической степени магистра

**Научный руководитель:
проф. Сирожидинов Ш.С.**

Самарканд – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ	
1.2. Поэзия на китайском языке	18
1.3. Поэзия на родном языке. Жанр «Хянга»	20
1.4. Корейская поэзия Поэтическое направление «Литература бамбуковых рощ», Творчество Ли Инно(1152-1220)	27
1.5. Поэзия обличения и Ли Гюбо	30
1.6. Корейская поэзия на Иду. Коре Каё	34
1.7. Жанр Сиджо	39
1.8. Сиджо в истории корейского общества	46
ГЛАВА II. «ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XX НАЧАЛА XXI ВЕКА»	
2.1. Корейская поэзия в 20 веке	56
2.2. События истории 1970-х годов и их влияние на корейскую поэзию	59
2.3. Жизненный и творческий путь Ко Ына, как показатель основных вех в развитии корейской поэзии на рубеже веков.	66
ГЛАВА III. СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	
3.1. О специфике поэтического перевода	71
3.2. Особенности и трудности перевода корейской поэзии	76
3.3. О специфике перевода корейской поэзии в жанре сиджо	82
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	87
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	93

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня в нашей стране все большее значение уделяется качественной подготовке кадров и продвижению науки.

Именно это подтверждают и слова нашего президента: «Отечественная наука создала мощный интеллектуальный потенциал, который находит свое практическое применение во многих сферах жизни, служит основой для укрепления национальной государственности и экономической независимости республики¹.»

В своей магистерской диссертации на тему «Основные тенденции развития корейской поэзии конца XX начала XXI века» я решил провести исследование практически неисследованного современными филологами и литературоведами периода в истории литературы Кореи.

Актуальность данной работы состоит в том, что вся тема, которая касается литературы Кореи в XX веке является «непочатым» краем для отечественных ученых языковедов и литературоведов. Более того, само направление литературы Кореи, которое преподается в наших ВУЗах со 2 по 4 курсы имеет слабую, но между тем постоянно расширяющуюся базу. И данная работа является еще одним доказательством вышесказанного.

Объектом исследования данной магистерской диссертации является поэзия Кореи и ее общие тенденции не только на рубежах нового времени – XX и XXI веков, но и краткая история всей корейской поэзии. Ведь по истине невозможно говорить о современной поэзии Корейского полуострова, если пропустить то, каким образом она дошла до сегодняшнего дня.

Целью данной магистерской диссертации является попытка систематизации всей информации, которая посвящена поэзии Кореи, а так же исследование общих тенденций развития корейской поэзии в новом времени. Материалы данной магистерской диссертации легко можно будет использовать при составлении учебно-методического комплекса по

¹ Из книги И. Каримова "Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса"

предмету «Литература страны изучаемого языка. Корея», а так же для проведения различных дополнительных занятий посвященных поэзии Кореи от ее основания и до современности.

В соответствии с целью исследования решались следующие задачи:

1) Проследить развитие корейской поэзии от древнейших времен и до наших дней.

2) Попытаться охватить корейскую поэзию нового времени, проследить основные вехи в ее развитии

3) Проследить исторические события и предтечи, которые изменили не только корейский быт и общество, но и корейскую поэзию.

4) Рассмотреть уже имеющиеся переводы корейской поэзии и наметить вехи для возможности новых переводов.

Структура данной магистерской диссертации целиком обусловлена ее содержанием и состоит из введения, 3 глав, заключения и списка использованной литературы. Введение раскрывает сущность и основные положения работы. Выводы и наблюдения приводятся в заключительной части.

Методы исследования, которые применялись в данной магистерской диссертации это в основном поиск и обработка информации, литературный анализ, а так же структурализм и сравнительно-историческое литературоведение.

Практическая значимость исследования состоит в том, что ее результаты могут быть использованы как основа для написания других работ, научного характера, а также данная работа может служить вспомогательным материалом для желающих глубже изучать теоретические аспекты жанра сиджо, корейской поэзии эпохи Чосон.

Методологическую базу данной исследовательской работы составили аналитический, историко-сравнительный, интерпретационный методы анализа литературы, так же литературный анализ и литературный анализ переводимого текста.

Степень разработанности темы исследования. На сегодняшний день, вопрос о современных тенденциях в развитии корейской поэзии на рубеже XX и XXI веков стоит очень остро и весьма мало изучен современными исследователями, но не смотря на это в своей работе я использовал работы отечественных литературоведов, таких как Ким В.Н. и Пак И.Л.

Научная новизна диссертационного исследования определяется поставленными в нем целью и задачами и заключается в том, что подобных работ по систематизации знаний о корейской поэзии нового времени еще не проводилось в отечественном корееведении.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Необходимо уделить особое внимание переводам произведений современной корейской поэзии.
2. Современная поэзия Южной Кореи весьма плохо изучена.
3. Нужна систематизация истории корейской поэзии XX века.

Теоретические положения диссертационного исследования могут быть использованы в современном литературоведении, прагматике, лингвистике и социологии. Кроме того, положения и выводы диссертации могут способствовать совершенствованию философского осмысления языка, его структуры и функций.

Практическая значимость проведённого диссертационного исследования заключается в том, что предлагаемые в работе материалы могут быть использованы в процессе преподавания курсов литературы, истории корей, а также при разработке соответствующих методических пособий и дидактических материалов, для подготовки практических занятий, спецкурсов и спецсеминаров по философии и лингвистике. Они также могут быть полезны студентам литературных и лингвистических специальностей при подготовке дипломных работ и диссертационных исследований.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации докладывались и обсуждались на заседании кафедры мировой

литературы и межкультурной коммуникации САМГИИЯ; на республиканской теоретической и практической конференции «Альтернативная теория поэзии в современной литературе» и др. Материалы исследования отражены в публикациях автора, в том числе в научных статьях и материалах докладов.

Но для начала, введем некоторые исходные понятия и значения, а так же обусловим основные термины данной диссертации.

Слово «поэзия» происходит от греч. ποιεο = творить, создавать, строить, созидать; ποιησις (поэзия) = создание, творение, произведение. В применении к словесным произведениям этот первоначальный смысл слова подчеркивает момент творческий, созидательный, момент словесной обработанности, искусности. Отсюда термином «поэзия» следовало бы назвать произведения искусства. Так оно и стало в дальнейшем, когда слово «поэзия» получило более широкое значение художественной словесности вообще. Это широкое значение совпадает с буквальным, этимологическим смыслом слова, и поэтому следовало бы считать первоначальное понимание поэзии как стихотворных произведений слишком узким. Однако значение слов исторически своеобразно и исторически изменчиво. Древние греки классической эпохи понимали под словом «поэзия» преимущественно именно стихотворные произведения; поэтому они называли человека, который сочинял стихи, поэтом. С понятием художественного творчества в слове у них неразрывно соединялось представление о ритмически организованной речи, о произведении, обладающем соразмерной длительностью своих элементов. В дальнейшем греки выдвинули понятие стиха (stixos = первоначально ряд, строй, затем строчка, стих), противопоставляя ему речь, ритмически неорганизованную. Древние римляне, наследники и продолжатели греческой культуры, стали потом называть ее прозой.

Возникновение у древних греков узкого понятия поэзии как ритмического словесного искусства было не случайным и не произвольным,

а исторически обусловленным. Оно определялось той стадией развития художественной словесности (поэзии), на которой последняя находилась в древнегреческую историческую эпоху. В те времена поэзия хотя и давно уже вышла из своей первоначальной непосредственной связи с трудовыми процессами, с другими искусствами и другими идеологиями, но все же сохраняла в себе остатки и пережитки этой связи. В эпоху первобытного синкретизма художественное слово возникало на основе производственных действий и движений и развивалось в тесном единстве с музыкой и пляской. Поэтическое произведение возникало непосредственно в процессе первобытных трудовых отправок и исполнялось затем в обрядовом, песенно-плясовом действии первобытного племени по поводу тех или иных событий экономической жизни (охота, война, жатва, весенний выпуск стада и т. д.). Это трудовое или обрядовое действие было обыкновенно приподнято, выразительно, эмоционально насыщено и по самой своей сущности — ритмично; оно сопровождалось восклицаниями, криками, ритмическими телодвижениями. Отсюда и словесная ткань песни обладала неизбежно ритмической соразмерностью. В своем былом единстве с трудом, с пляской и музыкой поэзия приобрела песенную ритмичность, состоящую в соизмеримой длительности звуков и тактов. Выделившись постепенно исторически в особое самостоятельное искусство, поэзия долго обнаруживала следы этой былой своей связи, надолго сохранила тяготение к ритмичности, которое поддерживалось и обновлялось и другими социальными условиями ее исторической жизни.

Когда возник героический эпос, который был особенно развит в древней Греции (Гомер), поэмы исполнялись обычно под музыкальный аккомпанемент и заключали в себе своеобразную сказовую мелодику с элементами ритма. Идейное содержание всех этих первоначальных жанров поэзии сообщало ей большую выразительность, поддерживавшую ее тяготение к ритму. Это была поэзия возвышенная, патетическая, полная героических чувств. Довольно существенное значение здесь имело также

устное бытование поэзии, вызванное в древние, а в значительной мере и в средние века слабым развитием письменности (то же и в фольклоре нового времени). В своем устном бытовании и устной передаче из поколения в поколение поэзия тяготела к известной словесной завершенности, прибегала к законченным и хорошо запоминающимся лирическим и повествовательным формулам — зачинам, рефренам, концовкам, единоначатиям, синтаксическим *loci communis* всякого рода, которыми подчеркивалась и поддерживалась ритмическая структура произведения.

Когда греческие, а затем в свое время средневековые поэты стали записывать свои песни, трагедии и поэмы, стали сочинять свои элегии, оды и эклоги, они сохранили в них тяготение к ритму, записывая текст своих произведений интонационными рядами — стихами. Поэзия оказывалась синонимом стихотворения, поэт — стихотворца, а древнегреческий термин «поэзия» сохранил в себе это узкое исторически закономерное значение. Рядом с этим в греческой литературе (устной словесности) существовала и художественная проза, существовали мифы, предания, сказки, комедии. Но пережитки первобытного синкретизма имели для этих жанров обратное значение: для древних греков миф был явлением не столько поэтическим, сколько религиозным, предание и сказка — историческим или бытовым; а если сказка или комедия и воспринимались поэтически, то они не считались большими и значительными жанрами, их и не называли поэзией.

Ко второй половине средних веков положение стало постепенно изменяться. Вместе с разложением сначала античного, а затем и феодального общества разлагаются постепенно поэма, трагедия, ода. В связи с развитием торговой буржуазии, ее культурным и идейным ростом, на основе культуры больших городов все больше растут и развиваются прозаические жанры, которые когда-то играли второстепенную роль и сливались в античном сознании с литературой нехудожественной, с преданиями, публицистикой, ораторством. Возникают повесть, новелла, вслед за ними складывается роман, которому суждено было стать ведущим

жанром нового времени. Старые поэтические жанры, игравшие основную роль в литературе феодализма и рабовладельческого общества, постепенно теряют свое основное, ведущее значение, хотя отнюдь не исчезают из литературы. Однако новые жанры, играющие основную роль сначала в буржуазных стилях, а затем и во всей литературе капиталистического общества, явно тяготеют к прозе. Художественная проза начинает оспаривать у поэзии руководящее место, становится рядом с ней, а еще позднее, к эпохе расцвета капитализма, даже оттесняет ее. К XIX в. писатели-прозаики, новеллисты и романисты, становятся наиболее заметными фигурами в художественной литературе, давая обществу те большие типические обобщения, которые в эпоху торжества поэзии дали создатели поэм и трагедий.

Богатой и по истине интересной история Востока по истине является не только объектом исследований ученых, но и поводом для гордости и как сказал глава нашей страны И.А. Каримов: «История средневекового Востока свидетельствует, что бурный подъем культуры и образования, медицины, литературы, искусства и архитектуры, возникновение научных школ, приток и генерация талантов в основном обуславливались такими факторами, как быстрое развитие экономики, сельского и городского хозяйства, высокий уровень ремесленничества и торговли, строительство дорог и открытие новых караванных путей и, в первую очередь, сохранение относительной стабильности.¹»

Корея, как и Узбекистан - страна богатейшей культурной традиции. Ее история насчитывает несколько тысячелетий. Корейская литература зародилась в начале первого тысячелетия. Это было время, когда на Корейском полуострове складывались государства, и осваивались идеалы конфуцианских догм. Примерно в этот период в Корею стала проникать иероглифическая письменность. Она становится не только средством

¹ Выступление Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова На Открытии Международной Конференции «Историческое Наследие Ученых И Мыслителей Средневекового Востока, Его Роль И Значение Для Современной Цивилизации»

официальной регистрации событий, но и письменной основой корейской литературы вплоть до изобретения национальной корейской письменности в 15 веке. Возникают произведения на ханмуне.¹

Вопрос об истории корейской литературы неоднократно подвергался исследованию. Значительная работа в плане исследования истории корейской литературы была проделана такими учеными как А.Ф. Троцевич, Чо Тониль (조동일), Хван Пхэган (황패강), Чон Гюбок (정규복), Ким Тонгуг (김등국), Ким Хамен (김하명), ЮнСепхён (윤세평), КоЧонок (거정옥) и др.

В истории корейской литературы нет четкого выделения периодизации истории литературы по векам. Вместо этого, литература делится на периоды по эпохам правления той или иной династии.

1. Ранняя литература (период Трех Государств и Силла - до X в.)
2. Литературы Корё (918-1392): первый период (X в. - первая половина XII в.), второй период (конец XII в. - XIV в.)
3. Литература Ли (1392-1910): первый период (XV - XVI вв.), второй период (XVII - XVIII вв.), третий период (XIX в.)².

До настоящего времени на русский язык переведено крайне мало письменных памятников по истории Кореи дофеодалного и феодапного периода. Более ста лет назад Н. Я. Бичурин (Иакинф) в своей книге "Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена"³ опубликовал материалы по истории народов Корейского полуострова с первых веков до новой эры до IX в. н. э., извлеченные из китайских династийных историй. Этим Бичурин положил начало научному изучению в России, а позже в СНГ истории корейского народа.

¹ Кореизированный стиль китайского языка

² А. Ф. Троцевич. История корейской традиционной литературы (до XX в.), Санкт-Петербург- 2004.

³ Первое издание книги вышло в 1851 г. В 1950 г. Институт этнографии АН СССР переиздал эту работу в трех томах. Сведения о Корее помещены во втором томе.

Хотелось бы особо подчеркнуть тот факт, что наблюдается острая нехватка – малое количество и не всегда высокое качество литературных переводов корейской литературы на русский язык.

Озабоченность этой проблемой проявляют не только ученые литературоведы по обе «стороны» языков, но и правительство Республики Корея, которое в мае 1996 года открыло институт литературных переводов, который занимается помощью и организацией переводов произведений, как корейской классической, так и современной корейской литературы на различные языки мира.

И эта инициатива со стороны правительства республики Корея вполне оправдывается желанием корейского народа в последние десятилетия громко заявить о себе не только в области экономики и высоких технологий, но и в области массовой культуры.

То, что в последнее время появляется большое количество фильмов, музыкальных групп из Кореи не только увеличивает приток туристов в нее, но и способствует созданию нового имиджа «Страны Утренней Свежести», как говорили еще несколько столетий назад.

И наш президент говорил о том, что мы должны не только гордиться и хранить богатое духовное и культурное наследие, которое было оставлено нам нашими предками, но и активно приумножать его, дабы в будущем мы передали своим детям не только то, что было до нас, но и то, что было создано нашими умами, руками, что-то, что являлось бы достойным гордости результатом наших жизней.

ГЛАВА I. ИСТОРИЯ КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Сведения об устном творчестве корейского народа восходят к первым векам нашей эры. В эпоху древности Корея не имела не только своей, но и заимствованной письменности. Поэтому основным источником сведений об этой стране служат письменные памятники великого соседа Кореи - Китая. В китайских исторических хрониках мы находим описание нравов, обычаев и устного поэтического творчества племен и народов, населявших Корейский полуостров на заре нашей эры. Судя по описаниям, это была календарная обрядовая поэзия, связанная своей тематикой с земледельческим бытом. Но каковы были содержание и форма этой обрядовой поэзии, нам неизвестно. Китайские исторические источники содержат довольно подробный перечень названий песен, указывают условия, при которых они исполнялись, но тексты песен в этих источниках не приводятся¹.

Более точные сведения мы имеем о корейской поэзии периода образования на Корейском полуострове централизованного государства Силла (VII-X вв.). К VI веку относятся первые попытки корейцев использовать китайские иероглифы для записи слов родного языка. С этого времени корейская поэзия на родном языке перестала быть только устным творчеством. В 888 году Ви Хон и Тэ Гю составили сборник поэзии под названием "Самдэмок". О нем упоминает автор "Истории трех королевств" (1145) Ким Пу Сик. Но уже Ким Пу Сику этот сборник был известен только по названию. До нас дошло двадцать пять поэтических произведений этого периода. Записанные самым несовершенным способом, они все же дают некоторое представление о характере корейской поэзии того времени. Четырнадцать стихотворений приведены в "Преданиях о трех королевствах", составленных буддийским монахом Ирёном (1206-1289). Одиннадцать

¹ Герман Ким. Рассказы о родном языке. Популярное корееведение. Серия АКК, Алматы, ЗАО "Сенім", 2003 с.156

помещены в "Житии Кюнё" (1075). Это так называемые "сайнай" - "родные песни" или "песни Силла". Ныне они известны под названием "хянга".

К сожалению, собирателями песен оказались буддийские монахи. Это сказалось на подборе стихотворений: многие из них содержат мотивы, навеянные буддизмом. И все же ряд произведений имеет явно народный характер. Примером может служить песня "Чхоёнга", которая позже была развернута в своего рода драматическое представление, разыгрывавшееся рядом действующих лиц (сам Чхоён, бес лихорадки, его слуги, хор) вокруг маски. Это произведение читатель найдет в настоящем сборнике.

Продолжением древней поэзии эпохи Силла является поэзия эпохи Корё (X-XV вв.). Она известна нам всего по двадцати стихотворениям, дошедшим до нас в поздних записях. По этим произведениям мы можем судить о том, что поэзия того времени носила явно ощутимый фольклорный характер. В первом разделе книги представлено четыре произведения этой эпохи. "Зеленые горы" - песня о тяжелой доле крестьянина; "Согён Пёльгок" - плач девушки, покинутой возлюбленным, "Чхоёнга" - обрядовая песня, о которой говорилось выше, и "Тон-дон". Особо следует остановиться на последнем произведении. Оно написано в излюбленной для корейской народной поэзии форме "двенадцатимесячного цикла" (так называемая форма "вольлён"). Произведения этого рода были своеобразной поэтической темой с вариациями: бралась какая-либо тема (например, тема неразделенной любви), и на эту тему писалось двенадцать стихотворений, приуроченных к каждому месяцу года. Тема варьировалась применительно к тем или иным событиям в жизни человека или явления природы, которые характерны для каждого месяца. Популярности этой народной формы была настолько велика, что даже в XVIII веке Чон Хак Ю, сын известного "реалиста" (Реализм - идейное течение в Корее, боровшееся с конфуцианским лжеучением и противопоставлявшее ему реальное знание, подлинную науку.) Чон Як Ёна, написал "Похвалу земледелию в стиле вольлён".

В XV веке в истории Кореи произошли два события первостепенного значения: в 1403 году был изобретен первый в мире наборный металлический шрифт для печатания, а в 1443 году была создана корейская национальная письменность Хангыль (한글), вполне самобытная, глубоко оригинальная по своему характеру.

Проект хангыля был закончен в конце 1443 — начале 1444 года и был опубликован в 1446 в документе, озаглавленном «Хунмин Чоным» («Наставление народу о правильных звуках»). Алфавит был назван по названию этого документа. Дата выхода в свет «Хунмин Чоным» (훈민정음), 9 октября, отмечается как День хангыля в Южной Корее. Северокорейский аналог отмечается 15 января.

Распространённое предание гласило, что царь Седжон (세종대왕) придумал общий рисунок знаков, увидев запутанную рыболовецкую сеть. Однако чисто фольклорная основа предания получила подтверждение после обнаружения в 1940 году документа, датированного 1446 годом и озаглавленного «Хунмин Чоным Хэре» («Объяснения и примеры „Хунмин Чоным“»). Этот документ объясняет форму букв, обозначающих согласные звуки, с позиций артикуляционной фонетики, а форму букв, обозначающих гласные, — с позиций философии инь и ян и гармонии гласных.

Царь Седжон объяснял, что он создал новую письменность потому, что корейский язык отличается от китайского, и использованию китайских иероглифов очень трудно научиться простому люду. В то время грамоте обучались только мужчины, принадлежащие к аристократической прослойке общества («янбаны»), а большинство корейцев было безграмотно.

Хангыль встретил серьёзное сопротивление со стороны литературной элиты, которая признавала только ханчу в качестве письменности. Типичный пример такого сопротивления — протест Чхве Малли и других конфуцианских философов в 1444 году.

Не следует думать, что до создания национального алфавита не существовало письменной литературы на корейском языке. Еще в древности корейцы пытались приспособить иероглифическое письмо для записи текстов на родном языке. Для этого иероглиф обычно использовался как фонетический знак, но «фонетическая роль» иероглифа не была закреплена строгой упорядоченной системой. Каждый автор выбирал для записи корейского слова китайский знак по своему вкусу (а количество используемых иероглифов насчитывает не одну тысячу), и сохранившиеся тексты, записанные таким способом, теперь очень трудно расшифровать. Да и в те времена, думаю, читались они совсем не легко.

Таким образом, изначально корейская литература создавалась на двух языках, при этом на ранних этапах произведения, написанные по-корейски и по-китайски, считались равноценными и не разделялись по степени их совершенства и «благородства». Это произошло позднее: сочинения, написанные на корейском языке, стали восприниматься как «низкие», а на китайском – как «высокие». Существовало только предпочтительное использование того или иного языка для разных типов сочинений, например, для текстов, связанных с местной культурой – корейский, для официальных исторических сочинений – китайский. Пренебрежительное отношение к родному языку как «вульгарному» появилось гораздо позднее, только во времена правления династии Ли.

Впоследствии правительство страны охладело к хангылю. Ёнсангун, десятый царь династии Чосон, в 1504 году запретил изучение хангыля и наложил запрет на использование хангыля в документообороте, а царь Чунджон в 1506 году упразднил министерство Онмун (народного письма). Впоследствии хангыль использовался в основном женщинами и малограмотными людьми.

И все-таки, не смотря на неоднозначное отношение к Хангылю, его изобретение сдвинуло с мертвой точки такой важный для развития литературы любой страны аспект, как грамотность населения. И пусть не

все литераторы приняли новый алфавит, но сами произведения, сама литература стала намного ближе к народу.

Вместе с письменностью в Корею пришли и жанры китайской поэзии и прозы. Жанры имели свои названия и обозначения. В поэзии, например, (кит. чольгу цзюэцзюй), юльси (кит. люйши), (акпу кит. юэфу), в прозе – чон (кит. чжуань), ки (кит. цзи_, соль (кит. шо), нок (кит. лу). Названия жанров трудно адекватно перевести на русский язык, поскольку прямой перевод иероглифов, входящих в наименование, не дает представление об особенностях данного жанра (например, поэтический жанр чольгу буквально переводится как «оборванные строфы», акпу – «музыкальная палата»). Эти термины требуют объяснения с непременно привлечением иллюстративного материала. В настоящее время опубликовано много переводов и исследований по китайской поэзии, поэтому все необходимые сведения можно почерпнуть из этих специальных работ.

Общие представления о китайском стихосложении даны в данной работе ниже, в разделах, посвященных корейской поэзии на китайском языке. Эти жанровые обозначения обычно ставили после названия произведения, независимо от того, на каком языке они написаны. При этом надо обратить внимание на то, что названия произведений и поэзии, и прозы, как правило, записывали на китайском языке. Следует заметить, что китайские знаки сохранялись в названиях сочинений традиционной литературы вплоть до XX в., а подчас их можно увидеть и в современной прозе. Конечно, за многие века появилось множество произведений, больших и маленьких, разных по содержанию, но каждое из них непременно помечено традиционным китайским обозначением жанра. Западные и российские исследователи, как правило, игнорируют эту особенность литературы и распределяют ее произведения по своим привычным жанрам¹.

¹ Герман Ким. Рассказы о родном языке. Популярное корееведение. Серия АКК, Алматы, ЗАО "Сенім", 2003 с.156

Чтобы не вносить путаницу в принятую российским корееведением систему жанров, в данной работе название жанра, обозначенного в соответствии с терминологией нашего литературоведения, сопровождается транскрипцией корейского жанрового жанра. Нужно заметить, что произведения корейской поэзии на родном языке не были включены ни в китайскую, ни в европейскую систему жанров, они сохранили корейские жанровые названия, например, сичжо (короткие стихотворения), или каса (стихи большого объема, типа поэм), хотя записывались эти названия с помощью китайских иероглифов.

1.2. Поэзия на китайском языке

На всём протяжении развития корейской поэзии в ней существовали две ветви.

Одна ветвь – это произведения на корейском языке в оригинальной национальной форме.

Другая ветвь, стихи корейских поэтов, написанные на ханмуне. До нас дошли очень древние образцы таких стихов. Они так тесно связаны с историей создания, что их невозможно понять без обстоятельного пояснения: когда, кем, и по какому поводу они были сложены.

Сохранилось четверостишие, сложенное в 17 году до н. э. Вот, что говорит предание о его появлении:

«В государстве Когурё правил король Юри, после смерти жены он взял к себе двух наложниц Хва и Чхи. Женщины часто ссорились, каждая хотела завоевать большую любовь мужа. Однажды, когда король уехал на охоту, Хва выгнала кроткую Чхи. Узнав об этом, Юри пустился вдогонку за изгнанницей. Но ему не удалось уговорить Чхи вернуться, и, усевшись в тени дерева он пустился в грустные раздумья. Весёлая и мирная птичья семья растрогала его, и он сочинил экспромт:

Золотые иволги

Парами порхают,

*Мне же одинокому
Не с кем возвращаться.
(перевод Л. Еременко и В. Ивановой)*

«Песня желтых птиц» Хванчжога – незамысловатое четверостишие. Это стихотворение не было первым, и оно далеко не единственное, остаётся только сожалеть, что из-за войн, нашествий и пожаров до нас не дошло больше образцов корейской поэзии тех отдалённых времён¹.

В I тыс. н.э. в Корее развивается поэзия на ханмуне. Этот процесс был неизбежным для корейской культуры, так как был связан с такими явлениями, как буддизм и государственность.

Буддийский ритуал диктовал использование стихотворных произведений на санскрите и китайском языке, и это не могло не быть стимулом для появления отечественной поэзии, создавшейся по правилам китайской поэтики.

О существовании в VII – IX вв. поэтических произведений, по-видимому, буддийского характера, упоминаются в «Житии Кюнё» (XI в.), где приводятся несколько имён корейских монахов, сочинявших стихи, которые были построены как ци и отшлифованы как пятисложные и семисложные. В этом же памятнике помещены 11 семисложных стихотворений автора X в. Чхве Хенгви, представляющих собой перевод цикла корейских поэтических произведений – Хянга – известного деятеля корейского буддизма X в. – Кюнё.

Поэзия светская была связана с государственностью и с усилением государственной централизации, так как она всё более укреплялась на позициях «высокой поэзии», была призвана обслуживать сферу внешних отношений корейского государства. Свидетельством тому может быть пятисложная «Ода великому спокойствию» (650 год), посланная

¹ Ким В.Н., Пак И.Л., Сайидазимова У.Т. «Литература страны изучаемого языка – Корея». Ташкент, 2009г.с. 238

государыней Силла Чин Док танскому Гаоцзуну. Знание поэтической дальневосточной традиции и умение сочинять стихи были необходимы для людей, представлявших корейское государство за её пределами.

Позиция поэзии на ханмуне крепнет по мере бюрократизации государства. Корейское феодальное государство требовало от чиновничества овладения конфуцианской ученостью и приобщения к дальневосточной поэтической традиции. Эта тенденция со временем вылилась в установление государственных экзаменов, на которых умение сочинять стихи приравнивалось к знанию конфуцианских классиков и известных историографических трудов.

Развитию светской поэзии способствовало влияние поэзии Тан, интерес к которой в Силла был велик. Любопытные сведения об интересе корейцев к творчеству Бо Цзюй И, например, сообщает в своих дневниках Эннин. О постоянном внимании к танской поэзии говорят авторы «Жития Кюнё», «Исторические записи о Трёх государствах» и «Событий, оставшихся от времён Трёх государств». Они же сообщают имена корейских поэтов тех времён, названия их произведений, а иногда, приводят тексты стихов.

Уже в этот период корейской литературы появляются поэты, заслужившие признание не только в Корее, но и за её пределами. Это Чхве Чхи Вон, Ким Каги, Ким Чиджан, Ким Нинджи, Чхе Вон и другие. Их стихи занесены в «Цюань танши».

1.3. Поэзия на родном языке. Жанр «Хянга»

Одновременно с поэзией на ханмуне существовала поэзия на корейском языке, записанная способом *иду*.

Корейская поэзия на родном языке выросла из народного песенного творчества. О том, что оно было разнообразным у племён, населявших корейский полуостров, говорят ранние корейские памятники. Они свидетельствуют о том, что песенное творчество играло огромную роль в

жизни корейского общества не только в догосударственный период и переходную эпоху, но вплоть до начала правления династии Корё, когда существовало сильное бюрократическое централизованное государство, имевшее развитую литературу.

Поэзия на родном языке сопровождала трудовой процесс, была неотъемлемой частью всех календарных праздников, к ней прибегали при заклинаниях во время болезней и стихийных бедствий. Эта её роль сохранялась и в те времена, когда о поэзии на родном языке можно уже говорить как о литературном факте (например, использование *хянга* в молитве о предотвращении государственных опасностей в истории, помещённой в «Событиях, оставшихся от времён Трёх государств»). А литературным явлением она становится лишь тогда, когда обретает письменное выражение.

Поэзия на родном языке носит общее название *Хянга* (т.е. «Песни родных мест») или *Сэнэн норе* или *Санвэга* («Песни Востока»).

Этот термин употребляется для обозначения определенного типа поэтических произведений – так называемых десятистрочных *хянга*, представляющих явление, относящееся к VIII – X вв. Тексты *хянга* дошли до нас в «Житии Кюнё» (одиннадцать *хянга*) и в «Событиях, оставшихся от времён Трёх государств» (четырнадцать *хянга*)¹.

Поэзия на родном языке начинала играть все большую роль в буддийском церемониале, вытесняя не понятные слушателям санскритские и китайские стихи. Как свидетельствуют «Житие Кюнё» и «События, оставшиеся от времён Трёх государств» и путевые записи Эннина, этот процесс активизируется в IX – XI вв. Таким образом, одновременно с выдвиганием на первый план поэзии на *ханмуне* в области светской, в сфере духовной шёл обратный процесс замены иноязычных текстов корейскими.

¹ Ким В.Н., Пак И.Л., Сайидазимова У.Т. «Литература страны изучаемого языка – Корея». Ташкент, 2009г.с. 238

Буддизм весьма заинтересованно относился к поэзии *хянга*. Из сохранившихся до наших дней имён поэтов, создавших *хянга*, большинство – буддийские монахи. Буддийским монахом был Тэго, один из составителей антологии «Свод поэзии древности» (888 г.), ныне утраченной. Тэго был известен как автор нескольких *хянга*. Те тексты *хянга*, которые дошли до нас, помещены в произведениях буддийских авторов. С буддийским ритуалом связаны и одиннадцать *хянга* выдающегося поэта Кюнё (917 – 973).

Вот, например, одна из таких *хянга*:

*К этому многотрудному
Миру Дхармы, к престолу Будды
Я направляюсь
И молю о дожде истины.
Пусть он оросит поле, на котором
возрастает всё живое,
Где не могут пробиться побеги добра,
Ибо, уходя глубоко корнями в заброшенную почву
(Души живы), охвачены жаром страстей.
И пусть настанет осень, когда ясна луна пробуждения
И зреют плоды познания.*

(перевод М. Никитиной и А. Троицевич)

Эти *хянга* были сочинены Кюнё по мотивам одной из популярных глав сутры «Хуаньцзин», с тем, чтобы во время обряда скандирования китайский текст заменялся корейскими стихами.

В «Житии Кюнё» цитируется также предисловие, которое написал Кюнё. В нём Кюнё прямо говорит о том, что хочет использовать любимую народом поэтическую форму *хянга*, «средство развлечения людей в мире», для распространения среди мирян идей буддизма. Однако было неверно полагать, что вся поэзия на родном языке находилась в сфере буддизма. Во

всяком случае, «Житие Кюнё», «Исторические записи» и «События» дают достаточно свидетельств тому, что в Корее существовала богатая небуддийская поэзия. Так, в «Событиях» сохранились переведенные на китайский язык четырёхсложным размером образцы архаической корейской поэзии.

Среди *хянга* сохранились произведения фольклора, которые, видимо, являлись частью смешанных ранее эпических повествований, в которых проза чередуется со стихами. Это «Песня моря», «Песня Чхоёна», «Песня Содона», помещённые в «Событиях».

В легенде о «Госпоже Суро» рассказывается о том, что она с мужем суджонским князем отправилась в путь. Они достигли берега моря и там обедали. Рядом была высокая скала. Наверху цвели растения. Госпожа Суро увидела их. Обратившись к свите, она сказала: «Кто сорвёт цветы и поднесёт мне?». Сопровождающие говорили, что невозможно. Мимо проходил старик, сорвал цветы, сложил песню и преподнёс её. Снова отправились в путь. Опять остановились у берега моря и обедали. Вдруг дракон моря схватил госпожу и ушёл в море.

Опять по совету старика, люди собрались и пели «Песню моря»:

*Черепаша, черепаха
отдай Суро!
Утащить жену человека –
большой грех
Если заупрямишься
и не отдашь,
Закинем сети, изловим,
изжарим тебя и съедим!
(Перевод М. Никитиной)*

Дракон взял госпожу, вышел из моря и отдал ее.

В легенде о «Чхоёнране», рассказывается о том, что Дух лихорадки влюбился в жену Чхоёна. Обернувшись человеком, он ночью пришёл в дом Чхоёна и спал с ней. Чхоён возвратился домой и увидел в своём ложе двоих. Тогда пропел песню:

*При ясной луне в столице
До глубокой ночи гулял
Вошёл, взглянув на ложе
Вижу – четыре ноги
Две ноги – мои, две – чьи же?
С самого начала мои были,
Но отобраны теперь.
Как же быть?*

(Перевод М. Никитиной)

Бес, ожидавший жестокой расправы, в благодарность пообещал Чхоёну не входить в дом, если увидит на двери светлый лик Чхоёна. Поэтому люди государства к воротам прикрепляют изображение Чхоёна, тем самым прогоняя зло и привлекая счастье.

В легенде о Содоне рассказывается, что Содон – «ямсовый мальчик» – постоянно накапывал ямс, продавал и тем жил. Прослышав о том, что у силланского Чинпхён вана принцесса, по имени Сон Хва – красавица. Отправился он в столицу. Ямсом угостил детей на улице, сложил песню, научил детей, и они пели:

*Принцесса Сонхва
Тайком замуж вышла
Содона ночью обняв, уходит.*

(Перевод М. Никитиной)

Песня детей наполнила столицу. Чиновники посоветовали спрятать принцессу, отослав её. Когда принцесса направлялась к месту ссылки,

Содон предложил охранять её. Она согласилась. Тайно вступили в связь. Потом она узнала, что его зовут Содоном, и убедилась, что песня детей сбылась.

По – видимому, уже в поздний период существования *хянга* развилась светская индивидуальная поэзия на корейском языке, несколько образцов которой уцелело. Это «Песня о хваране Чукчи», «Песня о хваране Кипча», «Песня о туге». Они свидетельствуют о высоком литературном уровне поэзии на корейском языке в IX – XI вв., а также о её связях с дальневосточной поэтической традицией.

Все они представляют жанр десятистрочных *хянга*. В них легко прослеживается членение на три строфы. По композиционной структуре они также подчинены тройственному делению: в первой строфе тема задаётся, во – второй, она разворачивается, в третьей – двухстрочной – содержится образ, который призван дать концентрированное выражение идеи стихотворения. Синтаксически последняя строфа оформляется как восклицательное предложение.

Хянга «О Чукчиране» и «О Кипхаране» воспринимается как изъявление преданности ученика к учителю по конфуцианской традиции. Вот содержание одной из них: («Песня о Чукчиране»):

*Уходящей весной,
Грущу и стенаю о том, что вас нет.
Любимый некогда образ
Разрушается и распадается.
Хоть на миг бы
Увидеть тебя
О, Ран!
Путь, который пройдёт
Моя любящая душа,
Разве таков,
Чтобы забылся (Я сном)*

В полынном переулке.

(Перевод М. Никитиной)

Хянга «Песня о туе» включена в главку «Событий», - «Сим Чхун отказывается от должности», в которой рассказывается, что когда Хесо – ван (737 – 741 г.) пребывал ещё в резиденции наследника, он, играя в шашки с просвещённым мужем Синчхунем во дворцовом саду под туей, постоянно говорил: «Если когда – нибудь забуду тебя, то есть туя (которая напомним о тебе) о верном вассале». Когда ван вступил на престол, он стал награждать подданных, а Синчхуна забыл, Синчхун обиделся и сложил песню, прикрепив её на дерево:

Ты говорил: «Густая туя

Осенью не вянет.

Как же мне забыть тебя?»

(А сам), обижаемый мною, (ко мне) переменился

В старом пруду, где отражение луны

Под набегаящими волнами взбалтывается песок

Вот точно таким,

Как посмотрю я на тебя, -

Мир и прибывает.

Последняя строфа утеряна.

(Перевод М. Никитиной)

Хянга строится на противоположных двух образах: образ туи в первой строфе, - символ постоянства вассала; во второй строфе развивается мысль о непостоянстве государя, которая напоминает поэту приливные волны, поднимающие со дна песок, и которые воспринимаются поэтом как символ непостоянства мира вообще. Здесь мотив, чуть намеченный в конце первой строфе, развёртывается в зрительную картину.

В светской поэзии на родном языке, также как и в буддийской, по – видимому, были авторские сборники. Чхве Хенгви в своём предисловии сообщает о том, что двумя поэтами Силла были переведены на китайский

язык светские поэтические памятники: «Мелкий жемчуг и целая черепица» и «Ясная луна и свежий ветер». Речь идёт здесь, возможно, либо о каких-либо авторских сборниках, либо об антологиях. Поэзия на родном языке осознавалась в корейском государстве как высшая национальная духовная ценность, как предмет национальной гордости. Отсюда – стремление сделать её известной за пределами своего государства и результат этого – большая переводческая работа крупнейших корейских поэтов по переложению *хянга* в китайские стихи.

По-видимому, иногда *хянга* пелись, а иногда скандировались или читались. Рифма в них, как правило, не использовалась. О поэтической организации *хянга* известно мало. Сохранилась формула *хянга* - три строки (или три строфы), шесть *мён* (знаков), которые до сих пор не удалось расшифровать. Во - всяком случае, как говорилось выше, поздние *хянга* состоят из трёх строф. Этот тип поэтических произведений оказал большое влияние на поэзию последующего времени.

1.4. Корейская поэзия Поэтическое направление «Литература бамбуковых рощ», Творчество Ли Инно(1152-1220)

В данный период началось ослабление государства Корё. С ослаблением центральной власти совершается перелом настроений в корейском обществе. Многие образованные люди разочаровываются в конфуцианских идеалах, связанных с сильной государственностью, и переходят на позиции буддизма и даосизма, предпочитая чиновничьей карьере - уход к природе, бегство от общества. Так возникает почва для расцвета корейской даосской поэзии. Рождается целое поэтическое направление «Литература бамбуковых рощ». В Корее в XIII в. появляется несколько таких поэтических обществ, наиболее известным из которых было «Семеро мудрых, из страны к Востоку от моря», которое сыграло заметную роль в корейской поэзии. В него входили Лим Чхун, О Докчон, Хван Бохван, Чо Тхон, Ли Дамджи, Хам Сун и Ли Инно известный в Корее

как наиболее крупный поэт этого направления. Произведение «Долина журавлей в горах Чирисан», написанное по мотивам «Персидского источника» китайского поэта Тао Юньмина (365-427), является программным для «Литературы бамбуковых рощ».

Ли Инно отвергает мир бедствий и ищет страну обетованную, где жизнь людей гармонична и спокойна.

*Над грядой Турюсана
Облака на закате повисли.
Сотни скал и ущелий
Не уступят Гуйцзи красотой.
К журавлиной долине,
Взявший посох, ищу я дорогу,
В дальней чаше безлюдье,
Только слышно – кричат обезьяны.
Еле видимы башни
Трех священных вершин,
Затерялись под мхами
Разных записей древние знаки
Хоть спросил я сначала,
Как найти мне источник,
Все же сбился с дороги
Средь ручьев, лепестками покрытых.*

(Восточная новелла. М., 1963. С. 36-37)

Корейские авторы того времени хорошо знали произведения современных им известных поэтов соседних стран, особенно творчество китайских поэтов Су Ши (1036-1101), Оуян Сю (1007-72). Творчество Тао Юнь-мина в то времени воспринималось или в сунской трактовке, скорее всего с позиций «Подражание персидскому источнику» Су Ши. Долина журавлей, утопические счастливые места- понимаются Ли Инно, как нечто вполне реальное.

Ли Инно рано остался сиротой и воспитывался родственником-монахом. Будучи потомком известного дворянского рода, Ли Инно не поддерживал власть военных. И поэтому в 1170г., когда власть перешла в их руки, он постригся в монахи. В 1186г. он все-таки вернулся к мирской жизни, сдал экзамен на чин и за десять лет государственной службы сделал успешную карьеру. За это время поэт сблизился с так называемыми «вольными поэтами» О Сэчже, Лим Чхуном, Хван Бохваном и свободное от службы время отдавал стихам и вину в их обществе. Их кумиром был китайский поэт Тао Юань-мин (365-427), который вел «естественный» образ жизни, воспевал природу и вино. Вслед за Тао Юань-мином они мечтали найти такое место, где можно было бы укрыться от опасностей мира.

Ли Инно пишет эссе о Долине журавлей в горах Чирисан, сам отправился на поиски блаженных. Такую страну поэт не нашел. Он искал умиротворение в «мире изящного слова», писал стихи и прозу. К сожалению, многие его стихи не сохранились, а те, что дошли до наших дней, по большей части посвящены природе и вину.

*Заветная мечта – на склоне лет
в праздности проводить весенние дни.
Пробудившись от сна, беспричинно пугаться
ветра, сдувающего ивовый пух.
А там – алый дождь моросит,
стоит лишь штору поднять.
Зелени тени густы –
в их глубине птицы поют.
(перевод А. Троцевич)¹*

Ли Инно мечтает о безмятежной жизни, один на один с природой, где испугать может летящий пух, перед глазами – красота опадающих лепестков да зелень листвы, а в ушах,- птичий щебет. Здесь мы видим

¹ Никитина М.И. Средневековая корейская поэзия в жанре сиджо XVI-XIX вв. (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время.). – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994, с. 283.

скрытое противопоставление умиротворяющей природы, ее красок и звуков, полному угроз миру людей.

Как прозаик Ли Инно известен произведением в жанре пхэсоль «От скуки». Сочинение состоит из трех квонов, и было напечатано уже после смерти автора в 1260г. В сборник включены разного рода сведения: обычаи Кёнчжу – древней столицы Силла, описание окрестностей Согёна, дворцов и буддийских храмов Кэгёна – столицы Корё. Здесь записаны предания, рассказы об удивительных событиях, то есть фольклор. Больше всего в этом собрании стихов. Автор собирал творения поэтов прошлого и современников, своих друзей, которых не пригласили на службу, а также включил собственные стихи.

Ли Инно демонстрирует подчеркнутый интерес к «неофициальному» - занимательным историям и творениям тех поэтов, которые не состояли на государственной службе: стихи могли навсегда исчезнуть, в то время как их имена составляют славу своей страны.

1.5. Поэзия обличения и Ли Гюбо

В это же время в поэзии развивается и другое направление, отразившее более активное отношение к жизни, которое можно назвать обличительным, корни этой критики уходят в почву конфуцианских представлений о соответствии государя, равно как и любого человека на официальном посту, своему назначению. Эти идеи, которым исторические сочинения в основном обязаны осознанием норматива правителя, преломились в поэзии.

Критикуя действительность – плохое правление и нерадивых чиновников, поэты нередко противопоставляли современному им обществу некий «золотой век» в корейской истории, когда первые правители – основатели корейских царств – государственные дела вершили мудро, в соответствии с «принципами управления», выдвинутыми древними,

благодаря этому не было смут, чиновники исполняли свои обязанности как должно, народ мирно трудился и благоденствовал.

Наиболее крупной фигурой этого направления был Ли Гюбо (1168-1241). Его псевдоним – Пэгун Коса. Он, пожалуй, - единственный писатель Корё, творения которого сохранились почти полностью. Он прославился как мастер стиха и прозы, и не только потому, что в совершенстве владел китайской системой поэтических приемов. В корейской литературе Ли Гюбо был пионером освоения новых жанров, новых тем, своеобразным интерпретатором традиционной поэтической тематики. Безусловно, особенности личности поэта проявляются в его творчестве. Однако традиционные биографии, которые составлялись для именитых чиновников, сообщали в основном о карьере человека и его заслугах на государственной службе. О литературной деятельности писали кратко и, как правило, приводили список основных сочинений. Само творчество Ли Гюбо может помочь реконструировать некоторые черты его натуры. К сожалению, очень мало произведений Ли датировано, и теперь невозможно узнать, какие темы и настроения были характерны для его творчества в тот или иной период.

Род Ли Гюбо многие поколения принадлежал к ученому сословию мунсин, из числа которого выдвигались государственные чиновники, управляющие страной. Его семья после переворота «военных» не попала в число опальных, отец продолжал служить в столице, но общее настроение неприятия власти «военных», характерное для ученого сословия, наверняка захватило и Ли Гюбо. Не случайно, в юности он сблизился с поэтами – отшельниками из группы «Семеро мудрецов...» и даже взял себе псевдоним «Учитель трех пристрастий» (имеется в виду лютня кым, стихи и вино)

В поэме «Тонмён - ван», Ли Гюбо обращается к корейской древности, пытаясь найти там идеал правителя. Поэма представляет собой жизнеописание основателя древнего корейского государства Когурё. В «Стихах на историческую тему, воспевающих годы правления Тяньбао» (43 стихотворения) Ли Гюбо в традиционной манере говорят о плачевном

положении дел в обществе. Причину бедствий он видит в несоответствии политики двора принципам управления государством. Этот критический подход к происходящему дал возможность увидеть картину народных бедствий, создать стихи огромной обличительной силы.

Тяжкий феодальный гнет, бесправие и нищета простого народа, алчность и разврат правителей все это видел поэт, который сам, то терпел горести лишения, то возносился на высшие государственные посты. И все это он отразил в своих стихах. Ли Гюбо оставил огромное поэтическое наследие. Он писал стихи на китайском языке вэньянь, используя жанры, систему образности и традиционные темы китайской поэзии.

Многие стихи Ли Гюбо посвящены тяжелой крестьянской жизни, изнурительному труду землепашцев. Жизнь крестьянина тяжелая: природа нарушает привычный порядок, дожди и снег идут не тогда, когда нужно, и не так, как должно; чиновники разоряют крестьян поборами. Те, кто кормится крестьянским трудом, бесстыдно богатеют, думая лишь о собственном благе: они не уважают крестьянский труд, которым держится государство. Вот его стихотворение «Пою для тех, кто трудится в поле»:

*В дождь мы полем рис,
Гнем спину на поле,
Вид наш ужасен,
Неужели это облик человека?
Знатные господа
Всегда беспечны и свободны.
Богатство, знатность, надменность
И расточительность.
Все это за наш счет!
(перевод М.Никитиной и А. Троцевич)¹*

¹ Никитина М.И. Средневековая коерйская поэзия в жанре сиджо XVI-XIX вв. (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время.). – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994, с. 283.

Лишения и невзгоды испытывают сирые и беззащитные («Жалобы вдовы»). Нравы в государстве таковы, что рушатся самые священные связи между людьми: мать бросает свое дитя («Ребенок, брошенный на дороге»).

Поэта волновала судьба государства, родины. С болью и гневом пишет он о военных набегах монголов и разорение страны («В шестой день девятой луны»).

Творчество Ли Гюбо многотемно. В совершенной поэтической форме он описывал прекрасную природу Кореи. Неоднократно воспеты им вино и комунго (национальный музыкальный инструмент). Его любовная лирика прославилась на века. Ли Гюбо был одним из первых в Корее авторов любовных стихотворений в жанре акпу (Юефу).

*Цветок пиона напоен росой,
словно чистым жемчугом –
Красавица его сорвала
И проходит под окном.
Затаив улыбку,
спрашивает у юноши:
«Кто красивее, я или цветок?»
И юноша отвечает в шутку:
«Все же лучше ветка с цветком!»
Красавица к цветку приревновала
И растоптала ногами
ветку с цветами на дороге:
«Если цветок красивей, чем я,
Нынче ночью можешь спать с цветком!»*

*(«Песня о сорванном цветке»)
(пер. М. Никитиной и А. Троцевич)¹*

¹ Никитина М.И. Средневековая корейская поэзия в жанре сиджо XVI-XIX вв. (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время.). – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994, с. 283.

1.6. Корейская поэзия на Иду. Коре Каё

Корейская поэзия на родном языке X-XII вв. почти не сохранилась. Дошло лишь одно произведение на иду, написанное в форме хянга «Скорблю о двух военачальниках», в духе конфуцианской традиции воспевающее двух верных подданных, которые в бою спасли жизнь Ван Гону – основателю династии Корё. Создателем этого произведения считают государя Йеджона (1106-1122), которому принадлежала еще одна песня «Кукушка».

Однако с XII-XIV вв. объектом общественного внимания была не только поэзия на ханмуне, но и отечественная поэзия на корейском языке. В ней наблюдается оживление национальной традиции, которая послужила рождению нового поэтического вида – Каё (или «Корё каё», «песни Корё»). Но песен Корё каё сохранилось очень мало: известно около шестидесяти названий стихов, текстов же не более двадцати. Песни Корё – объединяют поэтические произведения разного типа, которые были написаны на корейском языке в период правления династии Корё. Тексты записывались на иду, переводились на китайский язык и передавались устно. Сведения о Корё каё помещены в историческом памятнике «История династии Корё», в разделе «Трактаты о музыке». Переводы песен на китайский язык сделал поэт Ли Чехё. Он перевел одиннадцать песен и включил их в сборник «Малые акпу»

Каё в отличие от хянга, представлены светскими произведениями. Среди оставшихся каё, разнообразных по форме и тематике, можно обнаружить такие, как «Песня Чон Гваджона», которая приписывается автору XII в. Чон Со. В ней опальный поэт говорит о неизменной преданности своему государю.

Живу в тоске и в слезах о моем государе.

Кукушка в горах, что тоскует о государе из Шу,

На меня так похожа!

Как же так! Наговорить на меня! Ох!

*Но заходящая луна и рассветная звезда правду знают!
Пусть умру, душа- жизнь одна останется, но и тогда
захочу идти одной дорогой вместе с государем! Ох!*

(перевод А. Троицевиц)

Песня написана в традициях хянга, когда смысл открывается в последней строке: душа и после смерти служит государю. Интересно, что в песне Чон Со используется китайский поэтический образ кушки – души царевича из княжества Шу, который был окдеветан, сослан и умер на чужбине. И в этой песне магией поэтического слова душа корейца (Чон Со) сопричастует событиям древности, но на этот раз не вобственному образцовому прошлому, а «китайской классике». Вспомним, что в хянга, как правило, отсутствуют китайские поэтические образы.

Критика действительности в каё ведется под тем же углом зрения, что в стихах на ханмуне и исторических сочинениях. Так, каё «Бык громко ревет» критикует вана, который забросил дела правления в трудное для государства время; в каё «Сарихва» высмеиваются лихоимцы-чиновники.

В числе сохранившихся образцов национальной поэзии на корейском языке немало любовных лирических стихов. Среди каё можно найти произведения грустные и драматические. В песне «Согён пельгок», например, девушка прощается с любимым:

*Город Согён – ачжилька
Город Согён – столица
Ви, туоронсон, таринтири!
Этот народный город –
Малый Согён люблю я.
Ви, туоронсон, таринтири!
Лучше, чем разлучаться
С тобой, Согён я брошу.
Ви, туоронсон, таринтири!
Если меня ты любишь,*

*Пойду за тобой повсюду.
Ви, туоронсон, таринтири!
Жемчуг, упав, ачжилъка!
В дребезги разобьется.
Ви, туоронсон, таринтири!
Но не порвется нитка,
На который жемчуг нанизан
Ви, туоронсон, таринтири!
Будь тысячу лет, ачжилъка:
Без меня одинок на свете
Ви, туоронсон, таринтири!.....*

(перевод А. Ахматовой)

Встречаются и жизнерадостные, шуточные каё о любви, традиции которых развились позднее, в городской поэзии XVII-XVIII вв.

Об органической связи каё с фольклором свидетельствуют сопровождавшие их мелодии, язык и метрическая организация стиха каё представляет собой длинную форму корейской поэзии (Чанга - буквально «длинная песня»).

В этот период, очевидно, развивалась и индивидуальная лирика. Примером может служить стихотворение «В зеленых горах буду жить» неизвестного автора:

*Теперь я буду жить в горах,
Я буду жить в горах зеленых!
Есть стану дикую хурму
И буду жить в горах зеленых!
Вот так!
Вот так...
Ты плачешь, птица, надо мной?
Плачь птица! Плачь с утра до ночи!
И я печален, как и ты,*

И я с утра до ночи плачу!
Вот так!
Вот так...
Летает птица над водой,
Смотрю я, как она летает.
Бреду с мотыгой в руках,
Смотрю я, как кружится птица.
Вот так!
Вот так...
Так провожу я долгий день –
За делом и порой без дела.
Ни кто не едет, не идет...
Что принесет мне ночь глухая?
Вот так!
Вот так...
Куда ты, камень, брошен был?
И для кого предназначался?
Ведь я ни с кем не враждовал,
А принял твой удар и плачу!
Вот так!
Вот так...
Теперь у моря буду жить,
Теперь я буду жить у моря.
Одних улиток стану есть
И буду жить всегда у моря!
Вот так!
Вот так...
Послушай-ка, любезный друг!
Послушай, что тебе скажу я:
На нашем корабле большом

Бревно гнилое вместо мачты!

Вот так!

Вот так...

(пер. А. Жовтиса)¹

Стихотворение написано в форме народной песни, в ней своеобразно разработана традиционная поэтическая тема «ухода к природе».

В корейской традиции важное место занимали сезонные ритуалы стимулирования плодородия. Поскольку в древности полагали, что слово имеет магические свойства, в текстах ритуальных песен содержатся намеки, связанные с производительным актом – словесное «сотворение жизни» способны стимулировать реальное плодородие. Поэтическое слово, описывающее «творение жизни» по традиционным представлениям, должно нейтрализовать силы хаоса и установить в стране порядок, который был нарушен. Неслучайно в этот период популярной фигурой стал, Чхоён, способный укротить злые силы и установить гармонию. О нем сочиняли стихи известные поэты, а ритуальное представление театра масок «Чхоён» весной разыгрывали при дворе.

Литература Корё наследует традиции, которые определились еще в период организации корейских государств. Одна из этих традиций связана с местной культурой, мифами и ритуалами, сформировавшими литературу на корейском языке, другая пришла из Китая вместе с письменностью и системой поэтических и прозаических жанров. Время правления династии Корё отмечено активным развитием прозы и поэзии на китайском языке. Корё дало своих мастеров изящной словесности – историков, авторов официальных и неофициальных сочинений, поэтов, которые в рамках китайских поэтических жанров воспевали свою страну. В памятниках поэзии и прозы, написанных на китайском языке пропагандировалась мысль о самостоятельной ценности собственной культуры. В конце правления

¹ Жовтис А.Л. , Пак Ир П.А. Корейские шестистишия (сборник стихов корейских поэтов XIII-XIX веков). – Алма-Ата, 1956. с. 148

династии Корё развилось движение по собиранию, переводу на китайский язык или записи способом иду приданием песен, которые жили в народе. Собственное народное творчество не противопоставлялось сочинениям, написанным по китайским образцам. Напротив, писатели того времени стремились показать, что свои национальные творения ничуть не хуже того, что создано китайской культурой. В этот период, особенно в последние два века правления династии, для корейской культуры, важна была мысль о равнозначности двух цивилизаций.

1.7. Жанр Сиджо

Лирическая поэзия в различных общественно-исторических и национальных условиях обнаруживала специфические особенности, свойственные каждому народу. Главная отличительная черта лирического жанра со времени Аристотеля, заключалась в том, что «подражающий остаётся сам собою, не изменяя своего лица .

В дальнейшем это понятие имело своё продолжение, «всячески конкретизировалось», начиная с Гегеля и до наших дней в различных учебных пособиях . По мнению Г.Н. Поспелова оно требует следующего разъяснения: «<...> писатель, «подражающий» жизни, воспроизводящий её с помощью речи, говорит о ней от своего собственного лица и проявляет при этом своё «лицо», т.е. свою заинтересованность в этой жизни, своё эмоциональное отношение к ней, свои переживания, вызванные ею» .

Все выше перечисленные родовые особенности европейской лирики характерны и для сиджо, так как сиджо – это прежде всего лирический жанр, имеющий определенную взволнованность и образ переживания. Впитав в себя традиции корейского фольклора и трёх религиозно-философских учений народов Дальнего Востока (конфуцианства, буддизма и даосизма) сиджо было откликом и криком души конфуцианцев, вынужденных столкнуться с беспорядками, творившимися при смене королевских династий на стыке двух эпох(1392г.). Конфуцианцы – это люди,

придерживающиеся строгих правил поведения в обществе, были скупы на выражения чувств и эмоций, но события внешнего мира отразились рефлексией в их мышлении. Чувства вылились в поэзию, потому что человек не могу больше молчать. Они должны были приобрести форму выражения. И как нельзя лучше в сиджо отразилось чувство переживания:

이 몸이 죽어죽어 일백 번 고쳐 죽어

백골이 진토되여 녀시라도 잇고 없고

님 향한 일편단심이야 가실 줄이 이시랴

Пусть Небом суждено мне умереть.

Пускай умру, пускай сто раз умру я,

И кости превратятся в прах земной,

И тело брренное душа покинет,

Но, сердце преданное государю,

Пребудет неизменным навсегда!

(Перевод А.Л. Жовтиса¹)

Сиджо принадлежит известному историческому деятелю Чон Монджу (1337-1392), которое было ответом на предложение дать присягу королю новой династии Ли.

Первые сиджо были трагическими переживаниями, которые нашли свою форму, свой материал выражения, они знаменуют собою начало творчества. Эмоциональный всплеск дал импульс к творческому воссозданию чувства. Такие сиджо есть результат породившего их изначального душевного состояния. В сиджо Чон Монджу мы видим всё тот же момент избавления от беспокоившего, мучившего состояния, момент преодоления его путём снятия... в стихотворении. «Сохраняющее тепло и трепет живого душевного порыва переживание уже становится фактом искусства, чем-то искусно сделанным».

¹ Жовтис А.Л. , Пак Ир П.А. Корейские шестистишия (сборник стихов корейских поэтов XIII-XIX веков). – Алма-Ата, 1956. с. 148

Формальный повод для создания сиджо дан, но сиджо ни разу не становится произведением на случай, хоть как бы ни пытались его создание свести к какой-нибудь конкретной ситуации. Такая трактовка обедняла бы жанр, низводила бы его назначение до утилитарной функции. В сиджо Чон Монджу поэт «не изменяет своего лица», основное правило лирики, сформулированное еще Аристотелем, реализовано в данном сиджо.

Но всегда ли для сиджо было характерно это явно выраженное переживание, взволнованность и эмоциональность? В известном трактате китайского теоретика Янь Юя написано: «Стихи подобны отражению нашего чувственного представления, они должны описывать не сам предмет, а его отражение» . Не выражать мысли прямо, а придавать им форму, т.е. через какой-нибудь образ поэт должен уметь передать свои волнения и чувства. Пожалуй, сиджо Чон Монджу нарушает данное правило. Конфуцианец ценой своей гибели отказывается служить новому королю. Но такое открытое противостояние не получит дальнейшего развития в поэзии сиджо.

Поэзия народов Дальнего Востока даёт опосредованное выражение чувств с помощью деталей внешнего мира. Сиджо также подчинялось этому общему принципу. Этот важно подмеченный факт характерен для поэзии сиджо, где абстрактная мысль облекается в форму. По мнению Г.Л. Пермякова: «Корейская лирическая поэзия- это, если так можно выразиться, поэзия конкретной чувственной детали. Даже отвлечённые понятия приобретают здесь зримые и осязаемые формы предметов реальной жизни» .

Стихи должны писаться легко – основное правило творчества у народов Дальнего Востока. «Чувства, мысли и речь служат духу. Если в душе согласие и покой, истина сама собою открывается нам. А если мы взволнованы и душевное равновесие нарушено, дух истощает себя, и жизненные силы увядают. Таков закон нашей жизни» Основное условие для творчества по мнению Лю Се Лян, - это тот момент, когда мысль созрела в душе сочинителя и «он должен браться за кисть, когда идея целиком

захватит его, и откладывать кисть, когда порыв к нему исчерпан». Ничего не должно препятствовать естественному ходу мыслей, а если проявлять чрезмерное усердие или идти наперекор обстоятельствам – это значит насиловать свой дух, истощать свои силы, терзать свою природу, то что останется от целомудренного сердца мудрого и безупречной истины словесности?». «Восторг исключает спокойствие – необходимое условие прекрасного», – говорил А.С. Пушкин, видимо, не читавший древнекитайского трактата, но удивительным образом воспроизводящий ту же самую мысль.

Поэзия для авторов сиджо была не ремеслом, а душевным порывом, творческим вдохновением, за которым стояла постоянная работа ума, требующая реализации в стихотворной форме.

Вот почему у каждого автора сиджо их количество немногочисленно, за исключением, пожалуй, Юн Сондо, признанного мастера лирической поэзии в этом жанре. Поэт брался за перо по велению души, поэзия для него была не трудом, а прекрасным порывом, когда перо само скользило по бумаге в тишине и уединении, вдали от суетного мира. Большинство сиджо создавалось государственными деятелями, конфуцианскими учеными (Чон Монджу, Чон Чхоль, Ли Хван, Чу Себун, Юн Сондо). Это говорит о том, что в Корее призвание поэта совмещалось с государственной службой. Со времен древнего Китая чиновник должен был уметь сочинять стихи на китайском языке (ханси), что давало доступ к карьере государственного вельможи. Это правило получило распространение в Корее и Японии. Но, оставаясь наедине с собой, государственный чиновник писал о своих чувствах в стихах на родном языке в жанре сиджо. Сиджо было отдушиной от государственной службы, потому что именно в них он выражал то, чего нельзя было написать в государственных бумагах и научных трактатах.

Поэзия на Дальнем Востоке выполняла функцию нравственного заряда, она должна была описывать высокие чувства и добродетели. Через поэзию человек прикасался к тайнам природы, она учила замечать

прекрасное в природе, сопереживать ей. Большинство стихотворений в жанре сиджо – это не выражение бурных чувств и страстей, а поэзия созерцания – тишины и покоя, в которых заключена великая мудрость Творца. Через прекрасное и красоту можно переустроить мир в лучшую сторону. Это основная эстетическая цель поэзии, унаследованная авторами сиджо из древнекитайских трактатов по теории изящной словесности, была намечена в древнекорейской поэзии в жанре хянга и наиболее полно воплощена в сиджо.

Несмотря на различия в формах выражения чувств в лирической поэзии народов Дальнего Востока, Среднего Востока и Европы, лирика есть отражение внешнего мира в субъективном восприятии личности поэта. Каков он, этот мир, в мироощущении автора? Как известно, «в лирике «я» нигде не свободно от воздействия мира, а мир обнаруживается в лирике только через отношение к нему «я». Каково же соотношение и место лирического «я» в окружающем его мире в лирической поэзии Дальнего Востока и западноевропейской лирике?

«Я» в дальневосточной поэзии средних веков и в поэзии сиджо не акцентируется. Личность автора не выдвигается на первый план, он как бы наблюдает за ситуацией со стороны. В поэзии сиджо не встречается употребления личного местоимения «я» (저는, 나는), иногда в заключительной третьей строке мы видим местоимение множественного числа – мы. Европейский эгоцентризм не характерен для поэзии народов Дальнего Востока.

В восточных культурах отсутствует разделение мира на мир природы и социума, естественны и сверхъестественный. Поэтому для восточного восприятия мира не характерно разделение мира на «одно и другое» или «всё во всём» - главный мировоззренческий аспект культуры стран Дальнего Востока». Человек – часть природы, человек – часть общества. Таково место лирического героя по отношению к окружающему миру.

Воплощение в сиджо данного мировоззренческого аспекта очевидно. Такой подход к природе был характерен для философов русского космизма и русских «космических поэтов».

В средневековой поэзии Запада, где личность подавлялась церковью и всякое свободомыслие объявлялось ересью, поэзия была источником самовыражения бурных чувств человека. Последовавшая за веками мрака эпоха Возрождения провозглашает ценность человеческой личности, его автономность от остального мира: от общества и природы. «Личность, возомнившая себя богом, считала себя свободной от прежней морали и готова была растоптать всё окружающее ради собственного самоутверждения. Обратную сторону этого безудержного титанизма подметил ещё Шекспир, описав его в своих трагедиях, и в первую очередь в «Гамлете», «Макбете», «Короле Лире».

Отсюда ярко выраженное субъективное лирическое «я» в европейской поэзии, сформированное в эпоху Возрождения под влиянием «учения гуманизма, утверждавшего силу и красоту человека», его неповторимый индивидуализм, и, как следствие, его противостояние всему остальному миру.

Дальневосточной мудрости чужд тип трагического героя западного образца – того, кто борется и побеждает ценою собственной гибели. Литература Кореи представила образцы поведения героев в драматических ситуациях, когда герой или героиня своим правильным поведением достигают разрешения конфликта. Они не вступают в открытую борьбу с устоями общественной морали и получают воздаяние за все свои страдания.

Прекрасный образец такого поведения описан в корейских классических народных повестях.

Благополучный конец или счастливая развязка в повестях были связаны с представлениями корейцев о свойственной миру гармонии, когда природа и человеческое общество находя от поступков человека зависит состояние космоса.

В народном представлении существовал запрет на «плохие темы», своеобразное табу на отрицательные мысли и эмоции, так как считалось, что мысли могут обрести материальную форму.

Дальневосточный автор видел мир сквозь призму буддийско-даосского созерцания, смысл которого заключался в покое и умиротворении, в гармонии с окружающим миром. В этом и заключается принципиальное различие в формах выражения чувств в лирической средневековой поэзии христианского Запада и поэзии народов Дальнего Востока

«В конечном счёте различие между лирикой разных методов и направлений состоит в том, какие именно голоса живой действительности претворены в и могут быть услышаны в переживаниях лирического «я», за какую частицу действительности вправе быть принято это «я». Вероятно В.Д. Сквозняков в «голосах живой действительности» имеет в виду образную реализацию лирических переживаний, которые на Дальнем Востоке были иные, нежели на Западе, исходя из различий мировоззренческих аспектов Востока и Запада.

«Лирический способ познания жизни, лирическая поэзия в своих поисках активизируются преимущественно в периоды национального и общественного подъёма». История возникновения корейской лирики в жанре сиджо полностью соответствует процитированному высказыванию. Полнейший расцвет этот лирический жанр получил после возникновения корейской национальной азбуки Хангыль (1446 г.) Впервые поэзия на родном языке обрела своё исконное звучание и самовыражение. Общественные исторические события, последовавшие в Корее способствовали раскрепощению человеческой личности и формированию индивидуального творческого начала. В период укрепления корейской государственности жанр сиджо стал особенно популярен.

1.8. Сиджо в истории корейского общества

В отличие от поэзии на ханмуне, которая развивалась в рамках китайской системы жанров, поэзия на родном языке представлена самобытными корейскими жанрами.

Жанр сиджо возник на рубеже XIV - XV вв., достиг своего расцвета в XVI – XVIII вв., к нему нередко обращаются и современные поэты. Сохранилось около 2000 сиджо XIV-XIX вв. Они удивительно напоминают 10-строчные хянга: повторяют их тройственную структуру, отводят особую роль третьей, заключительной части, которая, как и последняя строфа хянга, нередко предваряется междометием; большое внимание уделяется звуковой стороне стиха.

Стихотворение сиджо довольно четко организовано метрически. Все три его строки делятся на два полустихия (это даёт основание переводить его на русское шестистишие); каждое полустихие состоит из двух стоп – трёх и четырёхсложный; исключением является первое полустихие третьей строки, которое обычно трёхстопно. Первая стопа этого полустихия трёхсложна, в остальных стопах допускаются колебания в один - два слога. Сиджо не читались, а исполнялись в сопровождении музыкального инструмента. Тематика поэзии на родном языке в изучаемый период очень многообразна.

До создания национального письма языковую ситуацию «можно квалифицировать если не кризисной, то во всяком случае, отнюдь не способствовавшей формированию централизованного феодального государства в Корее и не соответствовавшей духу эпохи. Поэтому в период правления Седжона, с его ярко выраженным стремлением к упорядочению и всё большим осознанием корейского компонента культуры, шли упорные поиски такого универсального и общедоступного средства передачи на письме, с помощью которого можно было бы откорректировать корейские и китайские чтения иероглифов для более глубокого внедрения в массы конфуцианских устоев...» .

Слово сиджо состоит из двух иероглифов 時 人|(время) и 調 조(место), то есть песни, сочинённые к месту и времени. Состоящее из трёх строк, сиджо обладало большой ёмкостью образов.

При анализе развития жанра сиджо в диахроническом разрезе, мы увидели, как расширилась тематика стихотворной формы сиджо. Видимо, это зависело от того, кто был автор, какое социальное место он занимал в обществе. Если с конца XIV по начало XVI века в жанре сиджо писали в основном конфуцианские чиновники и учёные, то в последующие периоды представители и других слоёв корейского общества, среди которых были и женщины (поэтессы - кисен).

В государстве Чосон (1392-1910) правящим классом были янбаны (дворяне), обладавшие большими социальными привилегиями. Светские янбаны по статусу были выше военных. Поэзия сиджо стала поэзией элиты общества, которая оставила дальневосточной поэзии выдающиеся имена государственных деятелей-поэтов и учёных-конфуцианцев (Чон Монджу, Ли Хван, и И, Чон Чхоль, Юн Сондо и др.).

Дидактические сиджо с проповедованием конфуцианских заповедей были распространены в поэзии сиджо. В первых стихотворениях жанра была популярна тема преданности государю, но, впрочем, в дальнейшем она не получила широкого распространения.

Тема преданности королю раскрывает драматические страницы в истории Кореи: смену королевских династий на стыке XIII-XIV веков, гонения на видных представителей эпохи, интриги и борьбу за власть.

Поэтому в подобных сиджо мы ощущаем глубокую трагедию личности, переживания авторов о происходящих событиях, связанных с королевским двором.

간 방네 우던 여흘 슬피 울어지애여다

이제야 생각하니 님이울어 보내도다

저 물이 고스리 흐르고져 나도 울어 네리라

Прошедшей ночью грустно

Журчал ручей, бегущий мимо.

И лишь теперь об этом вспомнив,

Я понял: это плакал государь.

О если бы вернуть течение вспять,

Я тоже бы с ручьем спустился, плача.

Автор сиджо Вон Хо – государственный чиновник эпохи Чосон служил при дворе в период правления короля Седжона (1418-1450). Сиджо Вон Хо посвящено свергнутому с престола королю Танджону (1452-1455), который был изгнан на вечное поселение. В тот период Вон Хо уже был в отставке и начал странствия как буддийский отшельник. Находясь в горах, недалеко от того места, куда был изгнан Танджон, Вон Хо создаёт это сиджо.

Видными представителями натурфилософского учения «соннихак» В конце XV века были Ли Хван (1501-1570) и Ли И(1536-1584). Соннихак одна из ветвей в конфуцианстве, исследовавшая духовную сущность человека в неразрывной связи с законами и принципами природы. Ли Хван и Ли И – лидеры саримов получили высокие должности в последние годы правления Мёнджона . Стихотворения натурфилософского содержания занимают большое место в поэзии сиджо.

청산은 ஏ제하여 만고레 푸르르며

유수는 여제하여 주야에 굿지 아닛는고

우리도 그치지 마라 만고상청호리라

Почему зелёные холмы

Всегда такие зелёные

Почему ручьи бегут день и ночь

В беспрестанном течении.

*Мы тоже можем быть вечными,
И существовать всегда?!*

Тема вечности и мгновения волнуют авторов сиджо. Сиджо Ли Хвана скорее всего выражает идею бессмертия, мечту о продлении человеческой жизни. Неоконфуцианец Ли Хван верил в разум человека и в способность человеческого духа к самосовершенствованию.

Поиски эликсира бессмертия – основная цель деятельности последователей философии Дао, которые свято верили в то, что человек в результате определённой психофизической практики может обрести новый сакральный статус и получить вследствие этого особые сверхъестественные способности. Е.А. Торчинов указывал, что даосская религиозная практика обретения бессмертия окончательно становится психотехникой в полном смысле этого слова. Несмотря на неприятие корейскими конфуцианцами буддизма и даосизма, они не отказывались от многих их доктрин.

Натурфилософские идеи даосизма легли в основу учений Конфуция и его корейских последователей Ли Хвана и Ли И, но были переработаны ими применительно к человеческому обществу. «В философии Ли Хван следовал линии Чжу Си (его часто называли корейским Чжу Си), провозглашая познание принципа ли целью человеческого бытия. Путём осуществления ли в общественной жизни было, по мысли Ли Хвана, точное соблюдение ритуально-этических норм, возможное лишь при воспитании внутренней установки на «уважение» (кён) к объективной реальности (природе, окружающим людям)» в поэзии сиджо человек и природа, общество и природа – два неотделимых друг от друга мира.

간 방에 부던 바람 눈서리 치단 말가

낙락장송이 다 기우어 가노매라

하믈며 못다 핀 꽃이야 알리 므슴하히오

Мне люди говорят: минувшей ночью

*Промчалась буря, намело сугробы.
Мне люди говорят: все как одну,
Вечнозелёные свалило сосны!..
Так что ж могу сказать я о цветах,
Которые раскрыться не успели?!*

(Перевод А.Л. Жовтиса)

Сиджо Ю Ынбу противоположно по значению предыдущему сиджо Ли Хвана, в нём образно выражена идея недолговечности всего сущего, даже вечнозелёные сосны бессильны перед натиском сильной бури. В сиджо ясно ощущается политический подтекст по поводу конкретных событий, происходящих при королевском дворе в эпоху Чосон. Хотя образы и основная мысль этого сиджо носят обобщающий характер, традиционная символика опровергается и тем эффектнее оказывается образ..

В философской лирике Чон Чхоля (1537-1594) на первом месте выступает человек, жизнь человека в потоке бытия с радостями и невзгодами. Идея об универсальности перемен, пришедшая из древнекитайского трактата к«И – Цзин» - основного канона даосской философии, нередко встречается в стихотворениях поэта

*나무도 병이 드니 정자라도 숲이 없다
호화이 서신 제는 올이 같이 다 쉬더니
앞 지고 가지 꺾인 후는 새도 아니 앓는다
Бывает, что и дерево зачахнет:
Ни тени, ни пролады не даёт.
Когда оно стояло с пышной кроной,
Шли люди, чтобы отдохнуть под ним.
Теперь засохли ветви, листьев нет?
И даже птица на него не сядет!*

(Перевод А.Л. Жовтиса)

В сиджо Чон Чхоля дерево можно сопоставить с человеческой жизнью: «Дерево – то же тело. Его кора подобна коже, ветви – волосам. Оно благоухает цветами и плодами и, подобно человеку, способно слышать, видеть, ощущать». И тем сильнее мы ощущаем жестокий закон жизни...

Несмотря на то, что все процессы, происходящие в природе, соотносились с человеческим обществом, природа имела в себе самой достаточные основания своего бытия, движения и развития. Она обладала эстетическим воздействием на человека. Стихотворения цикла «Девять излучин Косана» Ли И – прекрасный образец пейзажной лирики.

칠곡은 어디메고 품암에 추색이 좋다

청상이 얽게 치니 절벽이 금수로다

한암에 본자 앉아서 집을 잊고 앓는 앓노라

В наряде осени Утёс Кленовый.

Как хороша излучина Чхилгок!

В прозрачном инее стоят деревья,

Земля покрылась золотом листвы.

Сижу я у высокого обрыва,

Забыв, что мне давно идти пора.

Имджинская война (1592-1598) стала тяжёлым испытанием для народа, в это время были созданы образцы патриотической лирики. До нас дошли сиджо известных военачальников того времени Нам И и Ли Сунсина.

한산섬 달밝은 밤에 수루에 혼자 앉아

큰 칼을 옆에 차고 깊은 시름하는 적에

어디서 일성 호가는 나의 애를 굶느니

На острове Хансан при ясной луне

На башне дозорной один нахожусь.

Огромный меч заткнув в ножны,

*Стою в глубокой тревоге.
Откуда-то раздался звук трубы,
И душу растерзал мою на части.*

Сиджо принадлежит знаменитому полководцу Ли Сунсину, создателю первого в мире бронированного корабля-черепахи.

В последующие периоды расширяется тематика сиджо и это связано с изменениями в самом мировоззрении средневековых корейцев. Становится популярной любовная тема, прекрасно воплотившаяся в образах и структуре сиджо.

О любви писал и Чон Чхоль, государственный деятель, конфуцианец, который тоже не был лишён романтики в любовном чувстве. Красота снежного зимнего пейзажа в лесу является поводом для создания изящного стихотворения.

송림에 눈이 오니 가지마다 꽃이로다

한 가지 꺾어내어님 계신 데 보냐고저

님이 보신 후에야 녹아지다 어떠리

В сосновом лесу идёт снег,

Каждая ветка – чудесный цветок!

Хоть ветку сломать бы одну

И отправить любимой.

Пусть милая взглянет,

А после... снег может растаять, не так ли?

Автор как бы говорит: остановись мгновение и продлись очарованье, чтобы любимая, так же как и я, почувствовала радость от красоты, которую создала Природа¹.

Поэтессы – кисэн, начиная с полулегендарной Хван Джини (1506-1544), с утончённым лиризмом прекрасно выразили все нюансы любви в

¹ Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). Уч. пособие.-СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.-322 с.;

поэзии сиджо, они внесли в жанр ту живительную народную струю, которая обогатила поэзию и сделала сиджо искусством.

내 언제 무신하여 님을 언제 속였관데

월침삼에 온 뜻이 전혀 없네

추풍에 지는 잎 소리아 난들 어이하리오

Когда к любимому была я равнодушна,

Могла ль я с ним лукавить и хитрить?

Уже луна исчезла с небосвода,

Но он всё не идёт.

От осеннего ветра лишь лёгкий шорох

Слышится листвы...

М.И. Никитина отметила, что тема любви культивировалась в творчестве поэтов из народа, в стихах которых главное внимание уделялось человеческим чувствам, его переживаниям, что сближало сиджо с народным песенным творчеством. В лирике, выразившей прогресс личности на почве группового движения, вопрос чувства, любви займёт первое место.

Рост городского населения, возникновение и распространение промыслов в городе повлияли на развитие общественной мысли. Появилось буржуазное сословие, которое стремится к обновлению, незыблемые китайские каноны тяготят его. Тема вина и веселья становится популярной в сиджо.

В сиджо Чон Тэхва (1602-1673) вино 술 даёт на время освобождение от забот.

술을 취게 먹고 두렷이 안]았았으니

억만 시름이 가노라 하직한다

아이야 잔 가득 부어라 시름 전송하리라

*Опьянел от вина,
Но голова ясна.
Тысячам забот и тревог
Я сказал: «Уходите»!
А-и-я, наполни бокал полный вина,
Пусть заботы покинут меня.*

Вино – это средство отстранения от скорбей и печалей жизни. Мотив вина, столь популярный в средневековой поэзии у Омара Хайяма, нередко встречался в поздних сиджо и был созвучен западным и восточным образцам стихотворений, воспевающих винопитие.

В другом сиджо неизвестного автора вино выступает как один из источников всех земных радостей.

*술 먹지 마자 하고 중한 맹세 하였더니
잔 잡소 숨어보니 맹세 등등 술에 뒀다
아이야 잔 가득 부어라 맹세풀이 하리라
Я клятву дал, что пить вина не буду.
Держу бокал в руке и
Пристально в него гляжу,
Клятва моя задрожала в вине.
А – и – я, наполни бокал полный вина,
Пусть клятва растает в вине.*

Винопитие доставляет наслаждение. Так же как и у Омара Хайяма подобное толкование «совпадает с европейской поэтической традицией, начало которой положено вакхическими античными мотивами».

Жанр Сиджо обрёл свободу, он утвердил автономность поэзии от конфуцианской книжности. Развитие лирического рода поэзии начинается с такого момента, когда уже сложились предпосылки эстетического

самоутверждения личности: человек начинает ощущать свою значимость, так как он глубже стал постигать окружающий его мир и начал свободнее выражать свои чувства.

ГЛАВА II. «ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ КОНЦА XX НАЧАЛА XXI ВЕКА»

2.1. Корейская поэзия в 20 веке

Если говорить о современной поэзии в целом, то теория литературоведения оставляет это поле деятельности для более молодых специалистов, которые в свою очередь зачастую ждут появления авторитетных книг и мнений маститых литературоведов. В этом, так называемом, порочном круге и находится на данный момент большая часть современной литературы на русском языке.

Новые имена не изучают в школьных программах, не добавляют их и в средне-специальное образование. За редким исключением и в институтах современная литература не изучается. Это связано в первую очередь с большой нехваткой специализированной литературы. И эта проблема тем паче усиливается при переходе с популярных английского, немецкого и французского на языки с менее богатой историей изучения. Особо остро эта нехватка наблюдается в современной корейской литературе в целом, а в современной корейской поэзии еще острее.

К достижениям русскоязычного корееведения, безусловно, относятся великолепные переводы классической корейской поэзии и прозы, а также их литературоведческий анализ. Что же касается постсоветских исследований современной южнокорейской литературы, то они весьма фрагментарны, носят описательный характер и опубликованы в виде учебных пособий-хрестоматий или кратких разделов в обобщающих страноведческих книгах, в то время как западная историография продвинулась в этом направлении относительно дальше. Объяснить сложившуюся ситуацию несложно, но нет в этом резона. У литературы любой страны есть свои особенности, однако у Кореи есть совершенно специфическая, связанная с расколом на государства, образовавшихся в результате раздела сфер влияния между СССР и США.

Вопрос о месте современной корейской литературы в литературе связан с проблемой идентификации литературного творчества внутри одного корейского этноса. Подобная проблема, существовавшая в течение полувека в послевоенной Германии, уходит в прошлое с объединением ФРГ и ГДР.

Немцы вместо слова «Vereinigung» (объединение) пользуются эвфемизмом – “Wende”, что означает на русском «поворот» и в это есть логика, ибо тот крутой поворот в политической жизни немцев еще не принес еще истинного объединения в разуме и эмоциях западных и восточных немцев.

В Южной и Северной Корее слово «тхонъиль» (объединение) произносят как каждодневное заклинание, но в реальной жизни оно наступит не скоро, ибо, прежде чем исчезнет ДМЗ (демилитаризованная зона) вдоль 38 параллели корейцам предстоит пройти этап нормализации отношений и взаимной адаптации. С расколом единой Кореи на Юг и Север появилась новая тема для литературного творчества - тема разделения, идеологического противостояния, которая обозначилась новым термином – «пундан мунхак» («литература разделенной нации»).

По этой причине изначально следовало определиться с дискурсом современной корейской литературы и решить какую предстоит изучать южную или северную? Или стоит задача воплощения принципа «две в одном»?

В виду того, что КНДР является одной из самых закрытых стран мира. Существует крайне малое количество информации не только о современной северо-корейской литературе, но и обо всем состоянии различных сфер политической, общественной, экономической и культурной жизни этой страны.

К тому же если обратиться к истории создания направления корейской филологии в нашем институте, то станет очевидным выбор, который был сделан в этой диссертации.

В русскоязычной обиходе и академической литературе широко используется сочетание слов «Южная Корея» или просто одно слово - «Корея», но при этом имеется ввиду Республика Корея. Такое альтернативное использование присуще и производным определениям – «южнокорейская» и «корейская» (литература), имеющих синонимичное значение, в этом смысле данная работа не исключение.

В целях воссоздания историко-культурного контекста развития современной южнокорейской литературы использованы фундаментальные труды по истории корейской литературы В. И. Ивановой, А. Ф. Троцевич, М. И. Никитиной, Л. Р. Концевича. Известные южнокорейские литературоведы Чо Ён Хён, Ким Юн Сик, Чо Дон Иль, Ким Дон Ук⁷ и другие считают, что современная корейская литература начала формироваться в Корее после буржуазных реформ 1894 года, однако разделение нации последовавшее вслед за освобождением страны в 1945 году привело к размежеванию единой национальной литературы. В ходе Корейской войны и после нее левое направление исчезло с южнокорейской литературной сцены. Старые мастера в Южной Корее оставались верными традициям в поэзии и прозе. Молодые авторы, пережившие братоубийственную войну, занялись поиском нового смысла жизни.

Схематично можно отметить, что вторая половина 1960-х и 70-х годов характеризуются как период застоя в южнокорейской литературе, что напрямую связано с условиями военной диктатуры в стране, 1980-е годы - как период идейности, а 1990-е как период индивидуальной чувственности.

Литература послевоенного периода Переломным этапом развития литературы Южной Кореи является вторая половина 1950-х годов, когда появилось новое поколение молодых авторов. Многие поэты и писатели оказались в действующей армии, принимали участие в боях, и этот личный жизненный опыт стал основой их творчества. Писателей, начало литературной деятельности, которых пришлось на послевоенный период, отличал особый взгляд на происходящее. Война, разделение страны,

вызванные ими хаос и разруха, привели к обостренной чувствительности «поколения хангыль» («хангыль седэ») - первого поколения, получившего образование на родном языке. Для них катаклизмы середины XX в. - лишь фон, благодаря которому четче обрисовываются черты личности.

На литературной сцене появились молодые талантливые авторы-модернисты, которых называют “послевоенным поколением”. К ним относятся О Сан Вон (1930-1985), Со Ги Вон (род. в 1930 г.), Чхве Ин Хун (род. в 1936 г.) Сон Чхан Соп (1922-1959) и другие. Эти новые авторы стремились использовать нетрадиционные литературно-художественные средства, чтобы передать свое видение трагизма войны и ее последствий.

В поэзии стали выделяться три основных направления: традиционная лирика, “ангажированная поэзия” (чхамё си) и “чистая поэзия” (сунсу си). Во второй половине 1960-х годов внимание поэтов начинают привлекать проблемы, связанные с происходящими переменами: расслоение общества, отдаление людей от природы и их излишняя материалистичность. Ли Сон Бу (род. в 1942 г.), Чо Тхэ Иль (род. в 1941 г.), Чхве Ха Рим (род. в 1939 г.) и другие поэты описывают жизнь простого народа, говорят о противоречиях между разными классами общества. Основная тенденция развития прозы 1960-х годов - отход от “чистой литературы” (сунсу мунхак) и обращение к вопросам, которые преподносит действительность.

2.2. События истории 1970-х годов и их влияние на корейскую поэзию

22 апреля 1970 г. на собрании провинциальных ответственных работников Пак Чонхи объявил о необходимости разворачивания Движения за создание новой деревни. Необходимость эта была вызвана катастрофической отсталостью деревни. В это время в южнокорейской деревне проживало порядка 60% всего населения страны.

Движение за новую деревню стало общегосударственным движением, основанным на традициях коллективизма и ставшим одной из социальных составляющих экономического роста в условиях диктатуры Пак Чонхи.

Восьмые парламентские выборы, назначенные на 25 мая 1971 г., также оказались неутешительными для правящей Республиканской партии, получившей всего 113 мест. Оппозиции досталось 91 место, из которых 89 — принадлежали Новой народной партии. Учитывая, что для принятия ряда законов требовалось большинство в 2/3 голосов, новый парламент оказывался не таким послушным президенту, как это было раньше.

Президентские и парламентские выборы показали неустойчивость власти Пак Чонхи. В 1971 г. с новой силой начали разворачиваться антиправительственные демонстрации, например, августовская демонстрация жителей Кванчжу, города-спутника Сеула.

В 1972 г. состоялись переговоры между Республикой Корея и КНДР. В ходе переговоров было принято "Совместное заявление Севера и Юга", в котором раскрывалось стремление двух сторон предпринять конкретные шаги для установления мира на Корейском полуострове, налаживания двустороннего обмена и в перспективе - объединения страны.

Новые поправки к Конституции, предложенные Чрезвычайным государственным собранием, имели своей целью не объединение страны или укрепление ее безопасности, а прежде всего усиление единоличной безграничной власти президента. Отныне президент Республики Корея должен был избираться не всеобщим тайным голосованием, а новым центральным органом, созданным параллельно Национальному собранию и получившим название Объединительного самостоятельного гражданского собрания.

В 10 часов утра 15 августа Пак Чонхи выступал в здании Сеульского государственного театра с торжественной речью по случаю 29-й годовщины со дня освобождения страны. В это время из зала прозвучал первый выстрел, направленный в сторону президента. Пак Чонхи сумел спрятаться за трибуной. Второй выстрел поразил в голову его супругу, госпожу Юк Ёнсу, находившуюся в президиуме. Стрелявшего быстро схватили. Им оказался проживавший в Японии кореец северокорейской ориентации, входивший в

так называемую "Всеобщую ассоциацию корейских соотечественников в Японии" по имени Мун Сегван. Впоследствии стало известно, что он проходил специальную подготовку в КНДР и получил задание убить Пак Чон-хи, прибыв в Южную Корею по поддельному паспорту¹.

24 октября 1974 г. группа журналистов газеты "Тона ильбо" выдвинула требование о предоставлении свободы средствам массовой информации.

В конце 1974 г. была создана "Ассоциация литераторов за реальность свободы".

Таким образом, к началу 1975 г. "диктатура юсин" начала давать заметные сбои. Пак Чонхи требовалось новое "законодательное подтверждение" легитимности своей власти. Поэтому 22 февраля 1975 г. был проведен референдум об отношении народа к реформированной Конституции юсин. В референдуме приняли участие 79,8% избирателей. Из них 73,1% проголосовали в поддержку Конституции. На непродолжительное время, до 1978 г., власть президента обрела некоторую стабильность.

Проведенные 6 июля 1978 г. очередные президентские выборы опять принесли Пак Чонхи 100-процентную поддержку Объединительного самостоятельного гражданского собрания в количестве 2577 голосов

Однако выборы в новое Национальное собрание 12 декабря 1978 г., несмотря на имевшиеся у Пак Чонхи рычаги воздействия на их ход, показали значительное падение влияния Республиканской партии, получившей лишь 31,7% голосов избирателей, в то время как оппозиционной Новой народной партии удалось набрать 32,8%.

Лидер главной оппозиционной Новой народной партии Ким Ёнсам (род. 1927) на пресс-конференции перед журналистами газеты "Нью-Йорк

¹ Статья д.и.н., профессора Герман Ким «Литература современной южной Кореи»
https://www.academia.edu/3488272/_._

Тайме" выступил с критикой власти Пак Чонхи. Через некоторое время Ким Ёнсам был лишен депутатского мандата за "антинациональные действия".

Несогласные с изгнанием Ким Ёнсама из парламента студенты крупнейшего южного города Пусан 16 октября 1979 г. вышли на демонстрации протеста против диктатуры Пак Чонхи. Размах выступлений студентов и горожан был настолько велик, что с 18 октября в Пусане было введено чрезвычайное положение. Пусанские демонстрации перекинулись на соседний портовый город Масан. 19 октября на улицы вышли учащиеся Сеула, а 24 октября - студенты Университета Кемён южного города Тэгу. Так против Пак Чонхи выступило население юго-востока страны, которое ранее оказывало ему самую большую поддержку.

Через два дня после этого, на 26 октября, в штаб-квартире южно-корейского Центрального разведывательного управления был запланирован ужин, где Пак Чонхи и начальник ЦРУ Ким Чжэгю (1926-1980) должны были обсуждать вопрос о беспорядках в Пусане и Масане. Пак Чонхи был очень недоволен действиями Ким Чжэгю. Тогда возмущенный Ким Чжэгю в 7:35 вечера застрелил Пак Чонхи и начальника его охраны Чха Чжичхоля из пистолета. После ареста Ким Чжэгю заявил, что Пак Чонхи являлся препятствием для демократии, и его убийство продиктовано патриотическими мотивами. До настоящего времени нет единого мнения, было ли убийство Пак Чонхи актом личной мести или попыткой переворота со стороны спецслужб. Ким Чжэгю и его сообщники были преданы суду и приговорены к смертной казни через повешение. Приговор был приведен в исполнение 24 мая 1980.

1970-е годы в истории Кореи называют «периодом прогресса и развития». Почти затянулись раны войны, в стране стремительно начала развиваться промышленность, ставя Корею в ряд развивающихся стран. Стали меняться условия жизни, исчезло натуральное сельское хозяйство, зарождается современное механизированное фермерство, быстро растут города, население урбанизируется, концентрируется в крупных городах.

Такие динамичные процессы в экономике и социальной жизни не могли не повлиять на корейскую литературу, предоставив богатейший материал для создания не существовавших ранее аналогов прозаических произведений. Однако экономический подъем лишь усилил степень неравенства по отношению к незащищенным слоям населения, что не позволило ликвидировать общественную несправедливость. Если в период 1960-х годов писатели идеализировали жизнь, то в 70-е годы предметом их внимания стала реальная жизнь.

Литература 1970-80 годов заметно обогатилась не только новыми именами, но и новыми течениями. В творчестве стало заметна социальная направленность и такая "литература участия" обнажала проблемы общественной жизни страны, явления и процессы, вызванные столкновением старого и нового.

В 1970-е годы продолжается противостояние между сторонниками «ангажированной» (новой) и «чистой» (классической) поэзии. Приверженцы ангажированной поэзии 70-х годов считали, что социальные перемены, связанные с экономическим ростом, должны найти отражение в литературе.

Одним из виднейших представителей «ангажированной поэзии» 70-х годов является Син Кён Ним, главной темой творчества которого является жизнь корейских крестьян. Жители деревень испытывали на себе влияние индустриализации страны. Син Кён Ним описывает страдания, трудно и лишения, с которыми пришлось столкнуться крестьянам.

Поэзия 1970-х годов, как и проза, представлена основными течениями, связанными с традициями национальной школы и с западными новациями. Творческое объединение поэтов "Голубой олень" придерживалось классического стиля, а ее представители Пак Ту Чжин, Хо Ман Ха, Ким Чжон Сан, Ким Ё Соп, Ким Кван Ним и другие тяготели к возрождению традиционных стихотворных форм во всем многообразии их смысла. Этому направлению противостояли поэты так называемого "позднего поколения"

Пак Ин Хван, Ким Ген Ни и т. д., стихи которых отмечены сильным влиянием представителей западной поэзии.

Традиционным, глубоко национальным нравственным началом пронизано творчество одного из старейших поэтов страны Со Чхо Чжу. Основа его поэзии - осмысление пространства как нравственно-эстетической категории, связанной со временем, обостряющей чувство красоты и дающей восприятие мира в его многообразной целостности. В стихотворении "Автопортрет" поэт словно выражает свое творческое кредо: "Когда утро раскалывает сутки на новый день, капли крови смешиваются с росой на моем лице и в моем восприятии". Он убежден, что человек со всеми его проблемами всегда остается частью природы.

Ранняя его поэма "Песня старика" еще проводит грань между человеком и окружающим его миром, но затем она исчезает, уступая место мысли о том, что человек всегда остается самим собой, независимо от обстоятельств. В цикле стихов "Кукушка" и "Цветок" окружающий мир наполнен необычайно емкой символикой цвета, где весь мир полон красоты, открытий и обещаний. В следующем цикле стихов доминирует излюбленный камень Востока нефрит, зеленый цвет которого служит мостом, связующим небо и землю.

В начале 1960-х годов поэт публикует "Заметки Силла", стремясь уйти от современности в давнюю эпоху, чтобы быть раскованней в мыслях. В то время, когда конфликт между умом и телом, между человеком и обществом достигал определенной границы - это было обычным для поэзии явлением. Нарушение традиционного ритма жизни и, возможно, неприятие некоторых сторон модернизации способствовали тому, что в поздних своих стихах поэт обращается к древнейшей религии корейцев - шаманизму, пытаясь соединить воедино духовные традиции с реалистическим восприятием сегодняшнего дня страны. Тот же материальный мир, контрастно оттененный пустотой, явная разделительная грань между звуком и тишиной, скрытая символика непереводимой на язык слов духовной субстанции мот,

обретающей форму замкнутого кольца: то в виде узкого горла кувшина, то в форме нефритового круга - свидетельствуют о качественно ином витке творчества поэта позднего периода Хван Чжи У является одним из известных поэтов Кореи 1980-х годов, отличительной чертой его творчество стала необычная форма, которая часто относилась к так называемой "форме разрушения". Хотя поэзия Хвана нетрадиционна, но она отражает культурное и историческое содержание эпохи, в которой он живет. Его историческая реальность - это мир насилия и репрессий, говоря словами Хван Чжи У - это "горящая земля", "бесплодная пустыня", "земля полного разрушения". Его поэтический мир очень сильно переплетается с корейской политической действительностью.

Другим типичным представителем этого направления поэтического творчества Корея является Ли Сон Бок, который шокировал корейское литературное общество своей свободой воображения, в первом его сборнике стихов «Когда приснится лежащий камень». В нем поисках правды поэт призывает людей проснуться и чтобы привлечь внимание читателей и критиков он использует острую сатиру, буйную игру слов, яростное развенчивание героев и идолов. В поэзии Ли Сон Бока бичуются извечные пороки корейского общества: коррупция, ложь, зависть, вскрываются злободневные социальные проблемы постиндустриальной Кореи в том числе – массовое бегство молодежи из деревень, миграции в города.

В начале 1980-х годов Корея и весь мир был потрясен кровавой расправой над студентами в г. Кванчжу, учиненной военным режимом. Корейцы остро почувствовали противоречия между экономическими достижениями, технической модернизацией жизни с одной стороны и авторитарной политической системой, коррумпированной экономикой и карательными функциями государства - с другой. Молодежь выступила на острие политической борьбы за демократизацию страны. В эти годы

зародилась “литература масс” (минджун мунхак), предназначенная для формировавшегося среднего класса.

В эти же годы стала популярной так называемая "литература национального разделения".

2.3. Жизненный и творческий путь Ко Ына, как показатель основных вех в развитии корейской поэзии на рубеже веков.

Основу южнокорейской литературной среды на сегодня составляют те писатели, кто пришел в нее в конце 1960-х – начале 70 годов.

Пожалуй одним из главных корейских поэтов, которые появились на литературном небосклоне в этот период и до сих пор активно участвуют в литературной жизни Кореи является Ко Ын, чье имя дважды оказывалось в списках кандидатов, выдвинутых на Нобелевскую премию, счастливый писатель, пользующийся любовью в своей стране и признанием во всём мире.

Ко Ун родился в крестьянской семье в 1933г. и вырос в Кунсане, провинции северная Чолла.

Кунсан – ворота к широким равнинам, зернохранилищу корейского полуострова прибывал в упадке с тех пор, как стал главным портом, откуда корейский рис экспортировался в Японию во время колониального периода. После обретения независимости в 1945 году Кунсан был разрушен. Ко Ун стал свидетелем историко-политического беспорядка тех лет, разделение Кореи, Северная часть которой была оккупирована СССР, а южная под властью США. Установление перемирия и самостоятельных правительств на севере и юге в 1948 г. и основание КНР в 1949 г. отстранили его от мира и сделали буддийским монахом в 1952 г. в середине Корейской гражданской войны (1950-1953). Гражданская война послужила 1 переломным моментом в жизни молодого поэта и была истоком его поэзии.

Война, которая началась, как гражданская переросла в международный конфликт. Однако даже к концу войны, когда все

сводилось к интересам США и КНР главными жертвами были корейские солдаты севера и юга. Корейская война была поистине очень дорогим историческим уроком для корейцев.

Он остро воспринял гражданскую войну 1950-1953 гг. и ушел в буддийский храм в 1952 г., чем показал свое непримиримое отношение и гражданскую позицию относительно братоубийственной войны. Уход от этого ужаса в буддизм за год до разделения был его собственным способом борьбы, попытка борьбы на фундаментальном уровне. Он вернулся в мир в 1962 г.

В известной мере его возвращение к мирской жизни случилось за 4 года до этого, когда он дебютировал, как поэт. Его поэзия может хронологически разделиться на 3 периода. Ранний период включает в себя стихи написанные в 50-е - 60-е гг., когда он испытывал глубокий кризис между «Золотым деревом жизни» и серым миром Дзена, монаха, одним словом эра модернизма. Средний период включает в себя стихи, написанные в 1970-е гг. когда он сам предстал, как поэт радикального сопротивления, вовлеченный в антидиктаторское демократическое движение, и отрицал модернизм. Поздний период включает в себя стихи 1980-х гг., когда он пытался достичь государства великой свободы через объединение поэзии и политики. Его поэтическое скитание, начатое в 1958г., продолжилось и в новом веке, помеченное серьезностью и рвением, чтоб найти новую поэтическую территорию. Его работа стала зеркалом истории современной корейской поэзии.

Важно взглянуть в целом на ситуацию в новой корейской поэзии в то время, когда дебютировал Ко Ун. Сельскохозяйственное общество с 1930-х гг. изживало себя. Юг был затоплен волнами капитализма после корейской войны. В таком социальном хаосе популярная поэзия стала андерграундом, а достижение известное как модернизм стало мейнстримом. Модернистская поэзия была одним из доминирующих течений в 1930-х гг. Западная и

традиционные поэтические группировки не могли быть вдалеке друг от друга. В каком-то смысле они разрушали друг друга.

В 1957 году он был назначен на пост главного редактора газеты буддистов. Но окончательно вернулся к мирской жизни Ко Ын только в 1962 году, В 1963—1966 годах жил в Чеджудо, где основал сиротский приют. Затем переехал в Сеул, но и там не нашел себя. Не в силах примириться с жизнью, в 1970 году предпринял попытку самоубийства. Но интерес к литературе, который стал расти в нем пересилил желание к самоуничтожению и он полностью посвятил себя литературе. В 1974 году он стал организатором группы свободных писателей, которые боролись за свободу слова во время диктатуры Юнсин, так же проявил свою гражданскую позицию став консультантом в ассоциации демократической молодежи в 1978.

В предисловии к сборнику стихов Ко Ына «Запоздалая песня», вышедшему в 2002 г., есть такая фраза: «Я сам своё будущее», она как нельзя лучше и в предельно лаконично выражает отношение поэта к жизни, говорит о его намерениях не почивать на лаврах, не оставаться на месте, а по-прежнему двигаться вперед в поисках своего будущего «Я». Есть ещё одно известное высказывание поэта, появившееся гораздо раньше: «Я способствую не созиданию, уничтожению». Его часто истолковывают как выражение нигилистического мировоззрения автора, характерного для начального периода его творчества, однако гораздо правильнее будет воспринимать эти слова как выражение активной жизненной позиции, которая состоит в отбрасывании всего того, что уже свершилось, отказе от всего уже достигнутого и посвящении всего себя созданию чего-то нового на освобождённом пространстве.

Стихотворение «Бойня», которое было опубликовано поэтическом сборнике «В деревне Муни», вышедшем в 1974 г., как нельзя лучше и в сжатой форме показывает, откуда происходят корни обращения поэта к нигилизму.

*Руби и отца, и сына!
И тех, и этих,
И других,
И всех остальных. Режь, пока темно.
А поутру,
Когда всё вокруг окажется усеяно трупами, Будем весь день хоронить.
А потом построим на этом месте новый мир.¹*

Первая строчка этого стихотворения - «Руби и отца, и сына!» - вызывает ассоциацию со знаменитым парадоксальным дзэнским изречением: «Встретишь патриарха - убей патриарха, встретишь Будду - убей Будду». Однако последняя строчка этого стихотворения - «А потом построим на этом месте новый мир», - выделенная отдельную строфу, говорит нам о том, что главное здесь - это декларация твёрдого намерения построить на этих руинах новый мир, хотя неясно, что конкретно подразумевает Ко Ын под этим «новым миром». Очертания нового в понимании поэта мира начнут проступать только с появлением на свет его другого, вышедшего в 1978 г. сборника «Путь на рассвет», в котором интонация автора стала более конкретной и более воинственной. Учитывая время, когда было написано это стихотворение, а именно вторая половина 1970-х гг., а также огромный интерес к нему бунтующих студенческих кругах, можно сказать, что оно является свидетельством отказа Ко Ына от эстетизма, характерного для его раннего творчества, и погружения в новый для него мир, полный политических страстей. Эта тенденция его творчестве, плотно сплетённая с его реальным участием политической жизни страны и стремлением к воплощению политических идеалов в жизнь, только крепла на всём протяжении 1980-х гг.²

¹ Писатели Кореи. Хёндемунхак, 1993 с.269

² Статья д.и.н., профессора Герман Ким «Литература современной южной Кореи»
https://www.academia.edu/3488272/_._

В период с 1987 г. по 1994 г. Ко Ын завершил свою эпическую поэму «Пэкту-сан» - масштабный 7-томный труд, в который автор вместил чаяния народа об объединении и освобождении. Вместе с этим в 1986 г. был начат ещё один грандиозный проект - «Родословная 10 тысяч человек». Когда этот труд будет завершён, его объём должен составить 30 томов. Несмотря на решение сократить количество родословных до трёх тысяч, без сомнения, что этот эпический труд навсегда останется в памяти людей как свидетельство безграничного таланта, как символ вызова, брошенного самому себе, как памятник достижению поставленной цели.

С 2010 года Ко Ын неоднократно упоминался в числе лауреатов на соискание Нобелевской премии по литературе, но ко всеобщему огорчению всего корейского народа, он до сих пор не добился популярности на этом поприще.

ГЛАВА III. СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ПРОИЗВЕДЕНИЙ КОРЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

3.1. О специфике поэтического перевода

Для чего существуют оригинальные поэтические тексты? Естественно, для того, чтобы обеспечить духовное общение между автором и его соплеменниками - пусть они даже разделены толщей столетий. Для чего существуют переводные поэтические тексты?

Для того, чтобы осуществить еще более сложный коммуникативный процесс: духовное общение между автором и такими его читателями, которые воспитаны в лоне другого (неавторского) языка и другой культуры.

Вероятно, с тех пор, как существуют переводы, идет спор о пределах точности и вольности. У нас и в наше время этот спор выходит из рамок теоретических рассуждений и приобретает особую актуальность и остроту.

Мы успели накопить богатый опыт, который убеждает нас, что стремление к буквальной точности ведет к переводческой абракадабре, к насилию над своим языком, к потере поэтической ценности переводимого.

С другой стороны, чрезмерно вольное обращение с текстом подлинника, так облегчающее работу переводчика, сплошь и рядом приводит к искажению оригинала, к обезличке, стирающей его индивидуальные и национальные черты.

Мне рассказывали, что некий старик, тонкий знаток духов, критикуя парфюмерию, которая выпускалась у нас два десятка лет тому назад, говорил: - Ах, все эти духи пахнут одинаково! Недаром же на флаконах так и написано: "Те-же", "Те-же" и "Те-же". То есть "ТЭЖЭ".

Эту остроту можно отнести не только к духам, но и к стихам. В области перевода событиями были не только стихи Жуковского, но и стихотворения, созданные менее крупным, но настоящим поэтом Михаилом Илларионовичем Михайловым (например, его перевод из Гейне "Гренадеры"). Как события были встречены народом переводы Ивана

Козлова "Не бил барабан перед смутным полком" и "Вечерний звон". Я не говорю уже о переводах Пушкина, Лермонтова, Алексея Толстого, В. Курочкина, Ивана Бунина. Какие замечательные переводы дали нам Борис Пастернак, Анна Ахматова, переводчик греческих эпиграмм - профессор Л.В. Блуменау.

Не оценены или недостаточно оценены критикой достижения даже наиболее известных и заслуженных поэтов-переводчиков, таких, как Вильгельм Левик, Владимир Державин, Михаил Зенкевич, Леонид Мартынов, Павел Антокольский, Иван Кашкин, Лев Пеньковский, Вера Звягинцева, Николай Чуковский, Борис Слуцкий, Александр Межиров, Давид Самойлов, Инна Тынянова, Яков Козловский, Татьяна Спендиарова.

Остановимся более подробно и поговорим хотя бы о нескольких поэтах, подаривших нам отличные переводы. Сказать, например, о том, какие чистые поэтические голоса, какое тонкое чувство языка и стиля у Марии Петровых, Веры Потаповой, Веры Марковой, как сильны и мускулисты Семен Липкин и более молодой поэт-переводчик Лев Гинзбург.

Как я уже говорил, в переводах мы иной раз наблюдаем порочную точность и столь же недопустимую - я бы сказал даже - преступную вольность.

Прочитав перевод из Гейне, из Шиллера, Горация или Расула Гамзатова, читатель должен быть уверен, что он и в самом деле прочел стихи Гейне, Шиллера, Горация и Расула Гамзатова, что поэт-переводчик донес до него подлинные мысли и чувства поэтов, не потеряв ничего главного, основного, существенного. При этом степень вольности и точности перевода может быть различная - есть целый спектр того и другого. Важнее всего передать подлинный облик переводимого поэта, его время и национальность, его волю, душу, характер, темперамент. Переводчик должен не только знать, что сказал автор оригинальных стихов, - например, Гейне или Бернс, - но и что, какие слова этот автор сказал бы и чего бы он сказать не мог.

Актер может быть свободен, а не скован своею ролью, если он глубоко, всем существом войдет в нее. То же относится и к переводчику. Он должен как бы перевоплотиться в автора и, во всяком случае, влюбиться в него, в его манеру и язык, сохраняя при этом верность своему языку и даже своей поэтической индивидуальности. Безличные переводы всегда бесцветны и безжизненны. Отнюдь не насилуя и не искажая автора, хороший переводчик невольно и неизбежно отражает и свою эпоху, и себя самого.

Очень важно передать в переводе интонации и ритм подлинника.

Иной переводчик - даже самый точный - может оболгать автора самим ритмом. Вот пример. Талантливый поэт К.Д. Бальмонт перевел знаменитые стихи великого английского поэта второй половины XVIII и начала XIX века Вильяма Блейка. Стихи эти - о тигре - написаны четырехстопным хореем. Бальмонт сохранил в своем переводе этот размер, но у Блейка хорей звучит веско, величаво, даже грозно:

Tyger! Tyger! burning bright

In the forests of the night...

А у Бальмонта получилось:

Тигр, тигр, жгучий страх,

Ты горишь в ночных лесах...

Почти:

Чижик, чижик, где ты был?

На Фонтанке водку пил.

И читателю непонятно, почему же эти легковесные стихи стали так знамениты, считаются классическими. Так был упрощен и ограблен в переводе не один великий поэт.

К счастью, мы можем с уверенностью сказать, что лучшие образцы переводов русской школы передают не только душу, но и форму стихов, форму, которая является их плотью, - то, что Гейне называет "материей песни".

Перевод стихов - высокое и трудное искусство. Я выдвинул бы два - на вид парадоксальных, но по существу верных - положения:

1. Перевод стихов невозможен.
2. Второе. Каждый раз это исключение.

Если переводчик именно так относится к своей работе (да, в сущности, не только переводчик, но и всякий поэт), - у него может что-то получиться.

Тем более бывает обидно, когда эта нелегкая, но счастливая удача не находит отклика у критики, а еще раньше - у издательств.

Начиная со второй половины 20 века, постепенно становится ведущим, а ныне вообще воспринимается наиболее естественным метод, суть которого состоит в том, что поэтическая версия должна воссоздавать художественное единство содержания и формы оригинала, воспроизводить его как живой и целостный поэтический организм, а не как мертвую фотокопию или безжизненную схему, сколь точной в деталях она бы ни была.

Иными словами, поэтический перевод обязан стать живым близнецом оригинала и активно включиться в полнокровный литературный процесс на языке перевода. Естественно, что во имя этой цели - сохранения того главного, ради чего и существует поэзия, то есть сохранения и воспроизведения самостоятельной поэтической ценности - переводчик обязан жертвовать близостью в деталях второстепенных. Разумеется, для этого он должен быть, во-первых, отзывчивым поэтом, а во-вторых, - столь же чутким филологом.

Однако торжество данного метода в российской словесности отнюдь не влекло автоматически за собою единообразия в жанрах поэтического перевода. Постепенно выкристаллизовывалась типологическая система переводческих методов, основанная на коммуникативно-функциональном фундаменте. В этой системе право на жизнь получают принципиально различные виды перевода, но за каждым из них закрепляется определенная функция.

Информация поэтического текста явственно подразделяется на два принципиально различных подвида: смысловую и эстетическую. Смысловая информация (отражение в сознании реципиента некоей референтной ситуации) в свою очередь подразделяется на две разновидности: фактуальную и концептуальную (в терминологии профессора И.Р.Гальперина).

Фактуальная информация есть сообщение о некоторых фактах и/или событиях, которые имели, имеют, либо будут иметь место в реальном или вымышленном мире. Таковая информация содержится в любом, в том числе и нехудожественном тексте.

Например:

«Я помню, как ты неожиданно вошла в мою комнату, и я подумал: это не женщина, а чудо!».

Однако всякий художественный текст содержит в себе помимо поверхностной фактуальной информации еще и глубинную концептуальную смысловую информацию, которая здесь гораздо важнее голых фактов и событий. Она представляет собой в конечном счете концепцию мира, то есть авторский вывод о том, каков этот мир или каковым он должен или не должен быть. Эта информация всегда имплицитна по своей природе и как бы не имеет собственных вербальных носителей - она объективируется не вербальной формой, а с помощью фактуального содержания.

Здесь, как метко сказал О.Винокур, буквальный смысл становится формой истинного содержания.

Например:

«Я и поныне помню, как ты внезапно появилась предо мной, - и подумалось мне, что это лишь мимолетный мираж, запечатлевший в облике своем божественную красоту».

Это уже художественный текст - в нем та же фактуальная информация, что и в предыдущем, но он насыщен определенным концептуальным

смыслом - преклонения лирического героя перед женской красотой. Однако в истинно поэтическом тексте есть еще целый информационный массив, передающийся помимо собственного смысла. Этот информационный несмысловый комплекс обобщенно можно обозначить термином эстетическая информация. В поэзии, и особенно в лирической поэзии, эстетическая информация часто главенствует не только над фактуальной, но и над концептуальной информацией. Так, вполне очевидно, что вышеприведенный пример художественного прозаического текста, обладающий определенной концептуальной информацией, все же менее информативен, чем его поэтическая версия у А.С.Пушкина:

*Я помню чудное мгновенье:
передо мной явилась ты,
как мимолетное виденье,
как гений чистой красоты.*

3.2. Особенности и трудности перевода корейской поэзии

Поэзия любой страны обладает своим национальным колоритом, культурным слепком, который вполне легко может быть узнаваем не только специалистами в области литературоведения и филологии, но и простыми обывателями.

Взять хотя бы европейские сонеты, мы со школьной скамьи знаем о них, читали переводы Шекспира, некоторые даже учили наизусть.

Немного сложнее дело обстоит с менее «популярными» языками. Ведь вполне естественно, что актуальность того или иного языка на международной арене обуславливается большим количеством причин политического, экономического и культурного характера.

Самобытность и довольно продолжительная изолированность Кореи от остального мира, частые войны и попытки колониального давления со стороны соседних Японии и Китая исторически отодвинули ее на второй план. В современном мире это произошло еще по нескольким причинам.

Японский экономический бум и бурный рост экономики привлек огромное внимание мировой общественности к стране восходящего солнца.

Не смотря на то, что Корея стала очередным камнем преткновения между советским союзом и США, ее роль в этом конфликте по большому счету заключалась в предоставлении театра военных действий и большого количества «пушечного мяса» для братоубийственной войны. И тем не менее она смогла за эти годы повторить успех Японии в сфере экономики, а в развитии технологий даже превзойти оную.

И все же в культурном плане на международном уровне Корея до сих пор находится в числе «догоняющих» по сравнению с той же самой Японией или Китаем. В последнее время огромный интерес к культурам этих стран подстегивает различного рода исследователей наблюдать и описывать в своих трудах разные аспекты культуры, истории и самобытности этих стран.

Поэтому правительство Кореи решило поднять авторитет своей страны именно посредством популяризации своей культуры и истории на мировом уровне.

Все делается и для того, чтобы популяризовать произведения корейской литературы, в том числе и корейскую поэзию.

Очень интересным будет тот факт, что в Корею до сих пор продажа поэтических сборников и книг поэтов это большая статья дохода для корейских публицистов и писателей. Правительство страны пошло на целый ряд налоговых уступок и различные виды финансовой и другой стимуляции для роста производства книг, учреждение различных грантов и стипендий одаренным поэтам, проводимые постоянно поэтические конкурсы действительно являются хорошим стимулом для развития и поощрения поистине хорошей и качественной поэзии.

Теперь касательно особенностей корейской поэзии. В первую очередь это связано с ее строением и происхождением. Корейская поэзия зародилась

в основном на базе песенного творчества, и это родство прослеживается до сих пор.

Зачастую произведения корейской поэзии не читались вслух, а напевались, либо сопровождалась игрой на различных музыкальных инструментах. Это отложило свой отпечаток на глубокую ритмику стиха¹.

В произведениях корейских поэтов современности ритмика так же играет огромную роль, не смотря на то, что многие современные поэты отказались от классических метрических норм и стилей и пишут в основном белым стихом.

Но в основном трудности могут быть вызваны несколькими лингвистическими особенностями самого корейского языка и корейской письменности.

В первую очередь учитывая особенность хангыля – корейского алфавита надо понимать, что корейские стихи довольно компактны и зачастую при переводе одной строки на русский язык может получиться как минимум две. Это ярко видно на примере переводов стихов в жанре сиджо, но об этом более подробно чуть ниже.

Еще одна особенность, которой обладает корейский язык это большое количество звукоподражательных слов. В современном корейском языке звукоподражательные слова рассматриваются в изобразительных словах.

Изобразительные слова, исключительно широко представленные в корейском языке, до сих пор не были предметом детального исследования в корейском языкознании. Сведения, сообщаемые по данному вопросу некоторыми лингвистами, весьма отрывочны и не могут восполнить отсутствия специальной работы по изобразительным словам. В корейском языкознании данная группа слов не подвергалась специальному исследованию. Звукоподражательные слова – это слова, которые имитируют звук:

¹ Пермяков Г.Л. О поэтической детали в корейской классической лирике // Научные заметки. – М.: Ак. Наук СССР. Проблемы востоковедения №4, 1959, с. 125.

звуки животных, предметов, явлений природы и др.

Например: 멍멍 (гав-гав), 땡땡 (дзинь-дзинь), 탕탕 (пах-пах).

Существуют и звукообразные слова, которые передают образ, звучание и вид действия. Однако в корейском языке в одном слове редко можно встретить совмещение образа и звука.

아장아장 (ковылять), 엉금엉금 (медленно ползти), 번쩍번쩍 (блестеть), 대굴대굴 (катиться), 방긋방긋 (немножко улыбаться).

За редким исключением образные слова могут переходить в звукоподражательные, так как звукоподражание носит условный характер.

В изобразительные слова в своем звучании условно воспроизводят слуховые впечатления, либо копируют двигательные образы или передают вкусовые, осязательные, обонятельные, и более сложные внутренние ощущения.

Звуковая символика в звукоподражательных словах носит иной характер, чем в образных. Звукоподражательное слово самим звучанием своим воспроизводит звук. Это объясняет значение звукоподражательных слов, происходящее на основе сходства звуковых впечатлений, что еще больше усиливает расхождение звучания слова с воспроизводимым им словом, поэтому выделяют особую группу образно-подражательных слов.

Изобразительные слова имеют своеобразную звуковую структуру и подвержены таким явлениям, как сингармонизм и чередование звуков [](Пак Г.А. «Изобразительные слова в корейском языке», М 1962-С 3).

Так как звукоподражательные слова являются более или менее точной, часто весьма приблизительной имитацией звуков или звучаний, издаваемых теми или иными существами или неодушевленными предметами, то по характеру имитируемых звуков звукоподражания в корейском языке это:

1) слова, имитируемые крики и пение птиц:

비둘기- 구구, Голубь- гугугу;

부엉이 – 부엉부엉, Сова- фу-у-у;

참새- 짹짹 , Воробей-чик-чирик;

병아리- 삐약삐약, (цыпленок-пи-пи-пи),

2) крики и другие звуки животных:

강아지 – 멍멍, (щенок-тяв-тяв),

개 – 왕왕, (собака-гав-гав),

돼지 – 꿀꿀, (свинья-хрю-хрю;

말 – 히히힃, (лошадь-иегого),

3) звуки, издаваемые механизмами:

자동차 – 붐붐, (машина-вын-вын),

오토바이 – 부르릉부르릉, (мотоцикл-ррррр),

여객선은 (배) –부응, (параход-ту-у),

자전거 – 따르릉따르릉, (велосипед-дрин-дрин),

4) ассемантические комплексы звуков, издаваемые людьми:

자는 소리 – 쿨쿨, (спящий человек-хры-хы),

이빨 가는 소리 - 뿌드득 뿌드득, (скрежет зубов-грын),

콧물 – 흥, (при насморке-ув-ув),

코고는 – 드르릉드르릉, (при храпе-хыр-хыр),

5) человеческая речь, представляемая как звуковой эскиз:

목놓아 우는 소리 - 엉엉, (плач ребенка-аа-аа-аа),

아이가 맛있게 음식을 먹으며 내는 소리 – 냐냐,(ням-ням-вкусно),

아야야야 (아파), (ва-ва больно),

공공, (при боли кричат-ааа),

6) звуки природы:

번개 번쩍 (우르릉), (молния-донг),

천둥(гром) - 두두둥 쿵, (гром-гум),

비- 쇠악. 주룩주룩, (дождь-тук-тук),

바람 - 휘이잉 – 쌍쌍, (ветер-у-у-у),

7) звучание музыкальных инструментов:

멜로디언(мелодион) 투투(тху-тху-тху),

탐버린은 – 찰찰찰, (темборин-бз-бз),

트라이 앵글은 – 칭칭칭, (бубен-бзын-бзын),

캐스터 네츠 – 짹짹, (костаньеты-цан-цан),

9) звуки, которые производят насекомые:

파리 웅-, (мухи зажужжали - ж-ж-ж),

모기 – 웅-웅, (комар-пиии),

꿀벌 – 웅, (пчела-быззы-быззы),

딱정벌레 – 지지지, (жук-жижижи),

매미 – 맴맴, (цикада-цирк-цирк),

Еще одной особенностью корейского языка естественно являются фразеологизмы и устойчивые выражения в корейском языке.

Например, в русском языке отсутствуют такие понятия как «пап», «ток», «кимчикук», поэтому нет и соответствующих эквивалентов к следующим пословицам. В данном случае дословный перевод с корейского на русский приведет к полному непониманию.

밥 없는 상 (завтрак без пап)

김치국부터 마신다(начинать кушать с кимчикук)

누워서 떡 먹기 (лежа кушать ток)

И для этого необходимо подбирать и искать соответствующие эквиваленты в русском языке.

Зачастую они бывают неполными или совершенно другими по значению, что является еще одной трудностью. При таком переводе нужно выбирать, оставлять фразеологизм или пословицу нетронутой и пояснять ее

значение в ссылке или же соотносить с каким-либо русским эквивалентом. Этот факт тоже освещается в следующем пункте более подробно.

3.3. О специфике перевода корейской поэзии в жанре сиджо

Известный переводчик М. Лозинский считает, что «...переводя иноязычные стихи на свой язык, переводчик также должен учитывать все их элементы во всей их сложной и живой связи, и его задача - найти в плане своего родного языка такую же сложную и живую связь, которая по возможности точно отразила бы подлинник, обладала бы тем же эмоциональным эффектом.». Таким образом, переводчик должен как бы перевоплотиться в автора, принимая его манеру и язык, интонации и ритм, сохраняя при этом верность своему языку, и в чем-то и своей поэтической индивидуальности. Необходимо помнить, что перевод выдающегося литературного произведения сам должен являться таковым. Переводчик должен установить функциональную эквивалентность между структурой оригинала и структурой перевода, воссоздать в переводе единство формы и содержания, под которым понимается художественное целое, то есть донести до читателя тончайшие нюансы творческой мысли автора, созданных им мыслей и образов, уже нашедших свое предельно точное выражение в языке подлинника. Как считает Ю.А Сорокин: «Перевод - одна из форм взаимодействия культур», тем более, что переводы сделаны не с языков близких по ментальности и традициям, а совершенно противоположным.

Материалом для сравнительного анализа поэтического перевода являются два сиджо в переводах А.А.Ахматовой и А.Л. Жовтиса. Сиджо принадлежит перу Ким Чон Со, военному генералу XV века которого называли "Большим Тигром" за его военные заслуги.

Отмечу, что хотелось бы подчеркнуть изначальное неравенство двух переводчиков. А.А.Ахматова - сама является большим поэтом и ее перевод можно воспринимать, используя определение М.М.Бахтина, которому принадлежит образное высказывание: «только поэзия выжимает все соки из

языка». Это «выжимание всех соков» происходит благодаря тому, что поэтический текст, спрессованный ритмической, фонической и метафорической системами, образует как бы особый сверхсмысловой плазменный сгусток, в котором каждый элемент (будь то целая строка, слово, морфема или даже фонема) сопрягается по вертикали и горизонтали с каждым другим элементом и обретает трепещущее, как лунный свет, дополнительное и многослойное значение.

Жовтис является хотя и носителем корейского языка, но по профессии он литературовед и критик, что, на мой взгляд, ставит его переводы в неравное сравнение с переводами А.Ахматовой. Отмечу, что анализируя переводы, можно подчеркнуть, что оба переводчика рассматривали поэтический перевод как феномен интерлингвокультурной, а точнее даже - интер-лингво-этно-психо-социо-культурной коммуникации. Поэтому, переводя стихи с корейского языка на русский, они пытались перевоплотить духовное содержание какого-либо явления корейской культуры средствами русской поэзии, а значит и русской культуры, учитывая при этом и временные, и психологические, и этнические факторы, равно как и фактор несовпадения лингвокультурной картины мира у природных носителей корейского и русского языков.

작풍은 나무 끝에 불고 명월은 눈속에 찬데

*Холодный северный ветер дует в верхушках деревьев, яркая луна холодно
освещает снег*

만리변성에 일장검 잡고 서서

Очень далеко на границе стою держа длинный меч

긴파람 큰 한소리에 거칠 것이 없으라

*Свища громким свистом выкрикиваю угрозы, нет вещи которая
осмелиться бороться*

В сиджо Ким Чон Со необыкновенно интересно и глубоко создается безлюдное пространство холодного мира. Отмечу трудности для перевода

слова 삭풍 –«холодный северный ветер». То есть одно корейское слово не имеет прямого аналога в русском языке, образ яркой луны дает понять время суток, а так же погоду этого пейзажа. Автор рисует холодный северный пейзаж, безоблачное небо, яркую луну, которая освещает снег.

Фразеологизм 만리 – (буквально 10 тысяч ли) дальше, большое расстояние дает еще одну деталь. В сжатой форме, схожей по своей структуре и лаконичности с японским Хокку, автор рисует лирического героя, который, находясь на границе вдали от дома, держит в руке меч.

И вот в заключительной части сиджо, как это обычно бывает, автор озвучивает лирического героя не просто как воина, но "удалого молодца". Он свистит, выкрикивает угрозы возможным врагам. Это стихотворение патриотического характера, ведь Ким Чон Со описывал то, что было в его собственной жизни. Автор и лирический герой едины. Стремление защищать родину, вдали от дома и родных вопреки всему, готовность отдать жизнь и сразиться с любым врагом вот пафос сиджо.

Сравним первые две строки переводов:

*Воет северный ветер в верхушках деревьев,
Снег блестит под холодной луной*

Анна Ахматова подобрала более сильный эквивалент глаголу 불다 (дуть). У нее ветер "воет", что по-русски более понятно. Таким образом, она сразу передает атмосферу некоей враждебности, отчужденности, которая присутствует и в оригинале. А.А.Ахматова смогла с помощью системы аллитерации и ассонанса создать фонетические образы холодного, враждебного пейзажа, лирического героя .

Александр Жовтис же делает "рокировку":

*Здесь свет луны холодный на снегу
И ветер северный колышет сосны*

и сначала описывает свет, а потом северный ветер. Он также отказывается от дословного перевода глагола 불다 (дуть), у него ветер "колышет" сосны, что не совсем точно передает нужную коннотацию, создает совершенно другой образ. Так же не совсем понятен смысл индуктивного подхода к переводу слова 나무 (дерево). Жовтис использует слово «сосна», чего нет в подлиннике.

Отмечу эмоциональную фактическую разницу двух переводов начальных строк, то есть рисуются совершенно разные пейзажи: в 1 случае это тревожный, чужой, холодный пейзаж, в другом не совсем удачный выбор глагола-синонима создает мирный и статичный пейзаж, более свойственный созерцательной и философской лирике. В переводе следующих строк расхождения продолжают накапливаться.

Далее Анна Ахматова оставляет корейскую меру длины "ли" (리).

*У границы за тысячу ли от родных
Встал на стражу я с длинным мечом*

Правда, меняется числовое значение фразеологизма. Считаю, что в переводе возникает плавного фонетического благозвучия, и как бы сохраняется размера стиха. С помощью одного лишь этого слова, она смогла мастерски передать национальный восточный колорит и создать образ стражника на границе.

У Александра Жовтиса отмечу совершенно другую картину:

*Стою один, сжимая меч в руке
На самой дальней северной границе*

Отказавшись от дословного перевода фразеологизма 만리. он отправляет своего лирического героя на «самую дальнюю северную границу».

И вот в переводе последней строки

*Громок посвист мой...
Грозен пронзительный крик...*

Нет преград для меня на земле

Анна Андреевна снова прибегает к аллитерации, создавая образ удалого воина, бесстрашного защитника своей родины, утверждающего свою непобедимость.

А.Л.Жовтис же использует ассонанс, а так же риторический вопрос.

Мой грозен оклик, и мой посвист громок-

Кто же осмелиться на нас напасть?

Подводя итог ко всему вышесказанному, можно сказать одно, перед нами оказались два, практически разных стихотворения, которые связаны между собой лишь принадлежностью к оригиналу на корейском языке.

Александр Жовтис решил использовать более рифмованный слог, что на мой взгляд не совсем уместно, ведь стихи, написанные в жанре сиджо часто декламировались в сопровождении игры на музыкальных инструментах, что говорит в первую очередь о наличии ритма и фонетической гармонии.

Анна Ахматова же, как тонкий поэт, прочувствовала поэтику стиха, смогла найти наиболее гармоничное смысловое и фонетическое благозвучие. Смогла передать одновременно и корейский колорит и использовать исконно русские слова, такие как «посвист», «воет». По сути, она создала совершенно новый поэтический текст, на языке перевода, который бы максимально точно отображал поэтический текст языка оригинала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной магистерской диссертации был рассмотрен огромный пласт корейской литературы. Эстетическая ценность корейской поэзии для корейского народа и мировой культуры несомненна, в этом мы смогли убедиться, проанализировав долгий путь развития и самобытность жанров и истории корейской поэзии. Д.С. Лихачёв писал: «Одно из важнейших свидетельств культуры – развитие понимания культурных ценностей прошлого и культур других национальностей, умение их беречь, накапливать, воспринимать их эстетическую ценность»¹.

В первой главе данной магистерской диссертации

Главное различие между европейской лирикой и дальневосточной – это способы воплощения авторского «я». В мировоззрении народов Дальнего Востока нет европейского эгоцентризма и борьбы чувств внутри человека. Существуют лишь отдельные стихотворения жанра, где накал страстей обретает стихотворную форму. Корейская поэзия в основном – это философские стихотворения. Содержание которых наводит на мысль о практике даосско-буддийского психотренинга. Его целью было избавить человека от страстей и успокоить его разум, чтобы он обрёл внутреннюю свободу. Исходя из данного мировоззренческого аспекта, тип изображения в корейской поэзии отличается установкой на изобразительность.

В корейской поэзии в целом доминирует изобразительное начало, ведь форма стиха зачастую мала по размеру, поэтому многие стихотворения можно сравнивать с пейзажной живописью, в которых заключена тайна, неуловимая для аналитических рассуждений, а тайну невозможно выразить словами, её легче показать.

В поэзии отразилось всё богатство корейского языка. В своём исследовании мы попытались определить место корейской поэзии в современном мире.

¹ Д.С. Лихачёв. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979, с. 353

Общие мировоззренческие аспекты с соседними странами Китаем и Японией позволили рассмотреть корейскую поэзию в историческом сравнении. Несмотря на это в лирической поэзии каждой из стран Дальнего Востока были свои отличительные признаки в реализации образов, символов, в поэтической логике. Использование одних и тех же образов из даосской философии, сходство в содержании отдельных стихотворений сближает поэзии дальнего Востока. Например, в форме танка по сравнению с сиджо сильнее выражено личностное начало, субъективный лиризм. Жанр хокку, отвечавший потребностям нового буржуазного сословия Японии XVII-XVIII веков, был более подвержен буддийской логике развёртывания материала, в отличие от конфуцианской логики в сиджо. Но во всех этих жанрах (сиджо, танка и хокку) сильно изобразительное начало.

Кроме того во второй главе была осуществлена попытка охватить обширный исторический пласт в развитии корейской поэзии. Поэзия Кореи XX века крайне мало исследована. И чем ближе поэзия к современности, тем менее она исследована и изучена.

Одной из главных особенностей корейской литературы в целом и поэзии в частности заключается в гражданской войне, которая официально не закончена до сих пор. Демилитаризованная военная зона, которая проходит вдоль 38 параллели разделила не только полуостров, но и умы, судьбы, жизни корейцев на две части – северную и южную.

Нельзя оставаться равнодушным к попыткам корейских писателей и поэтов к духовному и культурному объединению страны, но к сожалению эти попытки остаются все еще тщетными.

Таким образом можно сделать вывод о том, что материалы 2 главы данной магистерской диссертации можно использовать при подготовке учебно-методического комплекса по предмету «Литература страны изучаемого языка – литература Кореи», а так же для разработки семинарских и лекционных занятий по предмету. Кроме этого материалы данной диссертации могут быть использованы при подготовке студентов к

предмету или же для написания новых работ касательно современной корейской поэзии.

Немаловажным является и тот факт, что в данной магистерской диссертации был рассмотрен и еще один весьма обширный и требующий внимания аспект, а именно особенности и трудности перевода произведений корейской поэзии на русский язык.

Этому посвящена третья глава данной диссертации. В ней намечены основные вехи, по которым развивался перевод поэтических текстов, а так же особенности и трудности при переводе произведений корейской поэзии на русский язык. Кроме того, на примере стихотворений в жанре сиджо были рассмотрены и проанализированы уже совершенные переводы произведений корейской классической поэзии на русский язык.

Весьма печальным является тот факт, что в современном мире поэзии вообще уделяется мало внимания. И не смотря на то, что в Корее созданы все условия для культивирования новых поколений поэтов, переводы современной корейской литературы на русский, да и другие языки весьма скудны. О переводах корейской поэзии на узбекский язык пока можно только мечтать.

Можно сделать вывод о том, что необходимо начинать разработку концепций переводов произведений современной корейской поэзии. Нужно уделить этому вниманию больше часов в учебном процессе и вероятно создать новый предмет, который будет посвящен полностью художественному переводу произведений современной литературы на русский и узбекский языки. Это может способствовать развитию не только отечественного корееведения, но и отечественной переводческой школы, которой славился наш институт.

На протяжении полувека наиболее значимыми в корейской литературе оставались темы, связанные с разделением единой некогда нации. Однако опыт Германии показал, что именно наличие общей культурной традиции могло бы лечь в основу воссоединения стран,

находящихся под влиянием полярных идеологий. В 90-е годы возникла дискуссия о возможных путях развития литературного процесса на территории Корейского полуострова после объединения, и корейские писатели вновь обратились к проблеме национального самосознания. В то же время рост популярности в Республике Корея национальной идеи сталкивается со встречным процессом взаимного сближения восточной и западной культур.

Вестернизация корейского общества, начавшаяся с отказа от политики самоизоляции, на протяжении всего XX в. определяла направление изменений в национальной ментальности и, соответственно, вектора развития литературного процесса. Ярким примером тому могут служить изменения в жанровой структуре корейской литературы.

Другая мировая тенденция, заключающаяся в постепенном стирании границ между серьезной «высокой» и массовой «низкой» литературами, также характерна для Республики Корея. На протяжении последних десятилетий происходит постепенная беллетризация корейской литературы. Неудивительно, что в данной ситуации наблюдается ослабление противостояния между консервативным и прогрессивным началами. На прилавках книжных магазинов все больше места занимают бестселлеры как корейских, так и зарубежных авторов: женские романы, детективная литература и литература в жанре фэнтези. Широкое распространение получают комиксы. В последнее время популярность произведения начинает зависеть не только от мнений специалистов, отзывов критиков и количества полученных литературных наград. Одной из главных составляющих успеха издания становится реклама.

К сожалению, несмотря на усилия корейского правительства, направленные на популяризацию корейской литературы за пределами Корейского полуострова, она остается недостаточно известной за рубежом. Но в последнее время наблюдается значительное увеличение объема переводов корейской литературы на многие языки мира.

За последние 20 лет было переведено в общей сложности 2340 произведений корейской литературы на 27 иностранных языков. Большая часть современных корейских произведений страдают от плохого перевода на английский язык, в докладе Министерства культуры, спорта и туризма отмечалось, что четыре из десяти литературных работ, переведённых на английский язык, имеют проблемы с передачей основной идеи и содержания оригинального корейского текста. В докладе оценивались 70 переводов и 29 из них получили посредственную оценку и только 7 работ (т.е. 10%) получили оценку «отлично» за качество перевода. По данным Корейского института литературных переводов (КИЛП)

Несмотря на то, что ни один корейский автор не получил Нобелевскую премию в области литературы, такие авторы как, к примеру, известный поэт Ко Ын или романист Хван Сок Ён, часто упоминаются в качестве ярких и залуженных кандидатов на получение премии, ценимой во всем мире как писателями и поэтами, так и литературными критиками и экспертами. Корея вправе гордиться множеством талантливых романистов и огромным разнообразием журналов и различных изданий, которые печатают художественную прозу. Корейская литература вынуждена бороться, чтобы донести свой собственный самобытный голос до широкого круга читателей во всем мире.

Как уже говорилось, в Корее был создан целый институт литературных переводов, который занимается организацией и поддержкой переводов корейской литературы на другие языки. И не смотря на это, по статистике, которую приводит сам институт из всех переводов, которые были сделаны за 2012 год лишь 30 процентов получили после своей публикации положительные отзывы самого института переводов. А это говорит о том, что не смотря на то, что сама проблема стоит довольно остро, но решать эту проблему, проблему нехватки достаточно качественной переводимой корейской литературы решать некому. Именно с этим связаны попытки, которые предпринимает и правительство и другие организации и

институты с целью наладить культурный обмен, поднять уровень и значимость корейского языка на мировой арене, обратить общественное внимание проблеме качественных переводов.

В наше время становится вполне обыденным знание нескольких языков, потому что при современном уровне глобализации и все большей интеграции нашей страны в мировые финансовые и культурные процессы это необходимый шаг. Но при общем росте количества говорящих на том или ином языке, количество специалистов в данных отраслях языкознания и литературоведения растет не столь бурно. Касается это и корейского языка. По сравнению с другими направлениями факультета переводоведения СамГИИЯ, корейское направление уже зарекомендовало себя и является старым на факультете и все же корееведение в Самарканде чуть более десяти лет.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Из книги И. Каримова "Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса" / Ислам Каримов 1997, с. 315
2. Ким В.Н., Пак И.Л., Сайидазимова У.Т. «Литература страны изучаемого языка – Корея». Ташкент, 2009г.с. 238
3. Lee, Peter H. Introduction to the sijo: the Epigramm // East and West, VII, 1. – Roma: 1956.с. 254
4. Chung Chong-wha. Color imagery in the Sijo Poetry (Чон Джонхва. Цветочные символы в сиджо.) [Выступление на конференции AKSE], Прага 1992 г. с.160
5. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989, с. 6-10. С.75
6. Сквозняков В.Д. Лирика. // Теория литературы (Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы) – М.: Наука, 1964, с.173.
7. Тимофеев Л.И. Теория литературы. – Учпедгиз, 1948, с. 253
8. Поспелов Г.Н. Лирика. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1976, с. 210.
9. Жовтис А.Л. , Пак Ир П.А. Корейские шестистишия (сборник стихов корейских поэтов XIII-XIX веков). – Алма-Ата, 1956. с. 148
10. Гольгина К.И. Буддизм и поэтическая мысль Китая. // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. – М.: Наука, 1974, с. 302.
11. Пермяков Г.Л. О поэтической детали в корейской классической лирике // Научные заметки. – М.: Ак. Наук СССР. Проблемы востоковедения №4, 1959, с. 125.
12. Радугин А.А. Философия.- М. : Владос, 1995, с. 279.

13. Никитина М.И. Средневековая коерйская поэзия в жанре сиджо XVI-XIX вв. (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время.). – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994, с. 283.
14. Концевич Л.Р. Корееведение. Избранные работы. – М.: ИД «Муравей-Гайд», 2001, с. 61.
15. Тихонов В.М. История Кореи. Т. 1. С древнейших времён до 1876 года. – М: Муравей, 2003, с. 373.
16. Поспелов Г.Н. Лирика. – М.: Изд-во московского ун-та, 1976.
17. Свияш А. Можно ли изменить свою судьбу, ж-л «Наука и религия», №3, 2005, с 136.
18. Рифтин Б.Л. Типология и взаимосвязи средневековых литератур (вместо введения). // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. – М.: наука 1974, с. 49.
19. Сычев В.Л. К вопросу о происхождении и значении жанра «Цветы и птицы в китайской живописи» // Проблема человека в традиционных китайских учениях. – М., наука, 1983, с. 102.
20. Ни Н. И. Сиджо в системе жанров мировой лирики. М.: Институт Востоковедения РАН, 2007, с. 167.
21. Малявин В.В., Виноградский Б.Б.. Все радости жизни. // Антология даосской философии. – М.: Товарищество «Клышников-Комаров и К*», 1994, с. 341.
22. Конрад Н.И. Очерк истории и культуры средневековой Японии VII-XVI вв. – М.: Искусство, 1980, с. 52.
23. Боронина И.А. Поэтика классического японского стиха VIII-XIII вв. (Классический стих – танка). – М.: Наука, 1978, с. 121.
24. Троцевич А.Ф. Особенности языка и стиля «Повести о Чхун Хян» // Корейская литература: Сб. статей – М.: Изд-во Вост. лит, 1059, с. 85.
25. Никитина М.И. Средневековая корейская поэзия в жанрах сиджо и чань-сиджо. // Восточный альманах. – М.: Художественная литература, 1958, с. 235.

26. Плавский З.И. Четырнадцать магических строк // Западноевропейский сонет XIII-XVII веков. Поэтическая антология. – Л.: Изд-во ленинградского ун-та, 1988, с. 320.
27. Григорьева Т.Л. Человек и мир в системе традиционных китайских учений // Проблемы человека в традиционных китайских учениях. – М.: Наука, 1983, с. 143.
28. Никитина М.И. Древнекорейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. – М.: Наука, 1982, с. 217.
29. Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. – М.: Наука 1989, с. 142.
30. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972, с. 264.
31. Конрад Н.И. Очерк истории культуры средневековой Японии, VII-XVI вв. – М.: Искусство, 1980, с. 101.
32. Троцевич А.Ф. Особенности языка и стиля «Повести о Чхун Хян» // Корейская литература. Сб. статей – М.: Изд-во вост. Лит., 1959, с. 85.
33. Маркова Л.Н. Бабочки полёт: Японские трёхстишия // Пер. с яп. В.Н. Марковой. – М.: ТОО Летопись, 1998 с. 88.
34. Боронина И.А. Литературная традиция и инициатива автора в японской поэзии раннего средневековья. // Поэтика средневековых литератур Востока. – М.: Наследие, 1993, с. 231.
35. Марков В.М. Республика Корея. Традиции и современность в культуре... с. 241.
36. Корея. Справочник. Корейская служба для зарубежных стран. Сеул, 1993.- с. 208.
37. Корейская литература. Учебное издание. Под редакцией Хён Вон Сук Сеул, 1994. –с. 139
38. Чхве Чэ-бонг. Поэт Ко Ын. «Я сам своё будущее»// Koreana, Зима 2008, с.148
39. The Korea Times, 30.10.2008

40. Лозинский М. Поэзия перевода. – В кн: Перевод как искусство. М. Наука.1990.- с.230.
41. В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян «Лингвокультурология и межкультурная коммуникация» М. ГИС. 2006 с. 175
42. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. с. 352
43. Корейская классическая поэзия / под редакцией А.А. Холодовича. – М. 1958.с. 258
44. Корейская лирика Бамбук в снегу VII- XIX вв.- М., 1978 с.327
45. Герман Ким. Рассказы о родном языке. Популярное корееведение. Серия АКК, Алматы, ЗАО "Сенім", 2003 с.156
46. Большой Корейско-русский словарь под ред. Л.Б. Никольского и Цой Ден Хуна, Около 150000 слов. ТТ. I-II, М., 1976 с.468
47. Концевич Л.Р., Симбирцева Т.М. Из истории корейского языкознания в конце 50-х годов. (по материалам личных архивов Г.Е. Рачкова и Ю.Н. Мазура). // Российское корееведение. Альманах. Вып.2., М., 2001.с. 185
48. Росс Кинг. Алма-Ата-Гарвард, 1990. с.125
49. Российское корееведение. Альманах. Вып. 1., М., 1999. с. 125
50. Сыновняя почтительность и будущее общества: Сборник докладов международной конференции. Сеул, 1995. с.109
51. А.А. Холодович. Очерк грамматики корейского языка. Москва-1954.с.185
52. Linguistics Association by the Center for the Study of Language and Information, с1990-с1993. с.205
53. Kim, Chin-Wee (ed.) (1978). Papers in Korean Linguistics. Columbia, S. Carolina: Hornbeam Press.с. 120
54. Kim, Nam-Kil/Н. Tise (ed.) (1986). Studies in Korean Language & Linguistics. East Asian Studies Center(U. of Southern California).с.125
55. Альбедиль М.Ф. Зеркало традиций. – СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2003,с.200
56. Еременко Л., Иванова В., Корейская литература, М., 1964; с.226
57. Елисеев Д.Д. Корейская средневековая литература пхэсоль. М., 1968; с.264

58. Никитина М.И., Троцевич А.Ф. Очерки истории корейской литературы до XIV в. М., 1969;с.168
59. Тэн А. Н. Традиции реализма в корейской классической литературе. Алма-Ата, 1980; с.120
60. Никитина М.В. Корейская поэзия XVI-XIX вв. в жанре сиджо.СПб., 1994; с.169
61. Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.). Уч. пособие.-СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.-322 с.;
62. Солдатова М.В. Становление национальной поэзии в Корее в первой четверти XX века. Владивосток: ДВГУ, 2004.-188 с.
63. Статья д.и.н., профессора Герман Ким «Литература современной южной Кореи» <https://www.academia.edu/3488272/> .
64. Баранников В.Д. Хрестоматия по литературе. М. 1996,с.250
65. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики М.1975.с. 220
66. Брагинский И. Идеи гуманизма в литературах Востока. М.1967.с. 268
67. Брагинский И. Поэзия и проза Древнего Востока. М.1973.с.459
68. Буддизм: история и культура. (Сборник статей.) М.,1973.с.120
69. Васильев Л.С. История религий Востока. М.1988.с.462
70. Знаменитые произведения Кореи. Сеул.1995. изд. Чосон Чосог.с.256
71. История корейской философии. т.1. М. 1966.с. 269
72. Классическая поэзия Дальнего Востока. М. 1977.с.468
73. Корея. Справочник. Корейская служба информации для зарубежных корейцев. Сеул, Изд-во «Самхва притинг» 1993.с.359
74. Ким Юн Сик. Ким Хен. История корейской литературы. Сеул. 1974.с.452
75. Ланьков А.Н. Корейцы и книги. Сеульский вестник. Сеул. 1999.с.210
76. Никитина М.И. Корейская поэзия XVI-XIX вв. в жанре сиджо. СПб., 1994.с.169
77. Очерки новейшей истории Кореи (1918-1960 гг.) М. Изд. Вост.Лит.,1959.с.223

78. Словарь знаменитых личностей. Сеул.2000.с. 294
79. Собрание сочинений корейских авторов. Сеул. 1998.с.500
80. Современная литературная критика. М. 1977. с.300
81. Тен А.Н. Очерки корейской литературы XX века (до 1945 г.) Сеул. 2003.с. 162
82. Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Л.1968.с. 210
83. Тихонов В.М. История Кореи. С древнейших времен до 1876 года. Т.І. М.: «Муравей» 2003.с.429
84. Тихомиров В.Д. История Кореи. М. Изд-во «Наука». 1974.с.600
85. Тягай Г.Д. Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма М.1972.с.251
86. Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. М.1975.с.261
87. Черепаховый суп. М. 1970.с.46
88. Чо Тониль. Общая история корейской литературы. Сеул.1989. 2-е изд.с.351
89. Чо Юн Дже. История современной корейской литературы. Сеул. 1962.с.163
90. Kim Donguk. History of Korean Literature. Tokyo. 1980.с.200
91. Lee P.H. Korean Literature: Topics and Themes. Tucson. 1965. с.169
92. Walraven B.C.A. Muga: The Songs of Korean Shamanism. Dordrecht.1985.с. 210
93. Корейская литература. Сеул. 2002г.с.321
94. Тен А.А. Очерки корейской литературы 20-го века (до 1945г.). Сеул. 2003г. с.162
95. Тэн А.Н. Традиции реализма в корейской классической литературе. Алма-ата. 1980.с.120
96. История корейской литературы. Минымса, 2000.с.210
97. Лучшие произведения Кореи. Чонносочок., 1993 с.321

98. Писатели Кореи. Хёндемунхак, 1993 с.269
99. Современная литература, Чисиксанопса, 2000.с. 365
100. Korean literature in cultural Context and comparative perspective – 1997
Waryong-dong, chongno-gu, Seoul, Korea, с.224
101. Yong Min Kwon. The 100 years of Modern Korean University. Seoul
National University. 2007. с. 354